

The background is a stylized illustration of a city skyline at dusk. On the left is a tall clock tower with a blue roof. In the center is a large Ferris wheel. A red and white airplane flies in the sky, leaving a heart-shaped trail. A man in a tuxedo stands on the right, and a woman in a teal dress stands on the left holding a coffee cup. A red carpet with yellow lines leads from the bottom towards the center.

САША КЕРН

Все говорили,
что у нее
нет шансов

18+

ЗАВТРАК для ФАНАТКИ

Саша Керн
Завтрак для фанатки
Серия «Любовь в каждой строчке.
Романы для уютного вечера»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69747187

*Завтрак для фанатки:
ISBN 978-5-04-192747-9*

Аннотация

«Завтрак для фанатки» – это увлекательная книга о сложном, но интересном пути фанатки, которая хочет добиться сердца знаменитого актера. Каждая девушка хотя бы раз была влюблена в идеального парня, смотрящего на нее с экрана телевизора. Главная героиня же решила не сидеть на месте и хотя бы попытаться исполнить мечту. Получится ли у нее это сделать?

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	35
Глава 5	50
Глава 6	66
Глава 7	76
Глава 8	85
Глава 9	101
Глава 10	128
Глава 11	142
Глава 12	154
Глава 13	168
Конец ознакомительного фрагмента.	173

Саша Керн

Завтрак для фанатки

© Керн С., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть 1

Перо журавля

Глава 1

Туманный Альбион

*Плачь, Юность! Плачь, Любовь! Плачь,
Мир! Рыдай, Эллада!
Плачь, крошка Ада! Плачь,
Туманный Альбион! ¹*

Марина Цветаева

И все же я верю, верю, что однажды под Новый год я стану Золушкой и тогда, тогда... Тогда исполнятся все мои желания.

А сейчас этим морозным декабрьским днем, когда за окном в вихре новогоднего вальса крутятся стаи снежинок, а стрелки часов сойдутся на числе «двенадцать», мне придется снова придумывать себе новогоднее желание и расстраиваться в конце года, что оно и в этот раз не осуществилось.

¹ Марина Цветаева. «Я берег покидал туманный Альбиона...», 30 октября 1918 г.

И все же я верю. Верю, что стану самой счастливой на свете. Ведь все мы спортсмены на беговой дорожке, соревнующиеся в погоне за счастьем. С той лишь разницей, что для каждого оно заключается в разных вещах.

На экране компьютера новые фотографии моего возлюбленного, моего кумира, моей несбыточной мечты. Мечты, которая уже второй год не хочет сбываться. И никакое позитивное мышление здесь не поможет. Я не придвинулась к своей цели ни на шаг. Или придвинулась на одну треть шага, ползу как улитка. Сколько раз я представляла себя на месте его очередной девушки. Как это могло бы быть, идти с ним рука об руку в шикарном платье по красной дорожке одного из именитых фестивалей. Каково это – прижиматься к его плечу своим, чувствовать его быстрое одобрительное пожатие ладони? Каково это – быть той, которой, как я понимала, никогда не стану? Фанатки не встречаются с кумирами, не остаются на кофе с утра и не получают руку и сердце взамен на свое обожание. Они могут только вздыхать, разглядывая своего идола-возлюбленного, думать о том, как он красив и горяч в постели, и потом снова и снова томно вздыхать.

Мы, инфицированные этой болезнью, пораженные изощренным синдромом безответной и нескончаемой любви, ни за что не хотим верить в то, что если бы и произошла та долгожданная встреча, то вряд ли бы случилось чудо и наш «возлюбленный» пал к ногам «прекрасной леди», умирая от недуга «любви с первого взгляда». Нам легко заблуждаться,

рассматривая светлый лик на экране компьютера, легко фантазировать, опекать и оберегать свою мечту, с которой никто из нас не хочет расставаться, но каждый хочет превратить ее в реальность. Нам легко заблуждаться даже тогда, когда навязчивые подруги отвлекают от предмета обожания и от работы в унылом и душном офисе.

На экране мигает сигнал одного из мессенджеров, оповещающая о новом сообщении от Надюхи, моей лучшей подруги. А я еще и не успела в полную силу помечтать спокойно.

«Привет, Стася, – появляется в окошке мессенджера. Вообще-то, меня зовут Настя, но друзьям больше нравится называть меня Стаськой. Я не против. – Чем занимаешься?»

В настоящее время находилась я на работе, в туристической компании под названием «Жаркое солнышко». Но чем занималась сейчас, не стоило знать ни моей подруге, которая постоянно меня наставляла на путь истинный, заставляя помириться с бывшим, ни моему начальству, которое всегда было злое и не выпавшееся по утрам, особенно в определенные дни, превращающие начальницу в нечто жуткое и кровожадное.

«Привет», – ответила я.

«Опять сидишь на любимом сайте? И что нового узнала про него?» – появилось тут же на экране.

«Ты действительно хочешь знать?» – Меня это удивило и насторожило, неужели у подруги открылся третий глаз, и она может читать мысли через экран компа.

«Конечно...» – отправляет она. И тут же: «Нет!»

Смеется надо мной, зараза. Я же не кажусь себе смешной уже почти два года. Я кажусь себе самой несчастной и одинокой прожигательницей жизни. Ю-ху!

«Лучше помирись с Лешкой. И забудь свои несбыточные фантазии. И еще. Вряд ли этот (так пренебрежительно она называла моего «возлюбленного») стал бы с тобой встречаться!»

«Это почему?» – переспрашиваю, злясь и готовясь написать целую тираду в свою защиту.

«Да потому что от фанатки, читающей все сплетни, он бы убежал как от гориллы, пытающейся его поцеловать. А ты если и не полезешь целоваться, то будешь минут пять орать как сумасшедшая, когда его увидишь. А ему как-никак слух еще понадобится. Сама говорила – он музыкант. И потом, ты обычная, на таких не клюют» – да, длинный получился монолог, но не лишенный смысла.

Я обычная – отличный комплимент от лучшей подруги, отрезвляет немедленно. Но если подумать, то я действительно обычная. Ну, что меня отличает от других? У меня нет надутых вредных губок, мои – простые, в меру полные, средние, верхняя чуть толще нижней. Нет огромных голубых или «шоколадных» глаз. Цвет волос самый распространенный – серый, как говорит моя мама – мышиный. Рост и фигура среднестатистические. Ростом я не блещу, в манекенщицы меня не возьмут, а в магазине при выборе бюстгальтера мне

предлагают меньший размер, хотя у меня всегда была хорошая двоечка.

На экране появилось очередное сообщение: «Обиделась? Да ладно тебе... Подумаешь, прЫнц. Ау?»

Достав из сумки зеркальце и еще раз посмотрев на себя, я попыталась найти хоть что-то необычное. Хоть бы цвет кожи оказался другим, так нет, все как у самого обычного человека! Даже цвет глаз самый обычный – серый с рыжими крапинками. А про нос я вообще молчу. В детстве даже в школе называли «курносик». Да, для девушки секс-символа совсем не подхожу.

С Надькой переписываться расхотелось. Все настроение испортила. Пришлось отключить мессенджер совсем. Лучше уж предаваться несбыточным иллюзиям, чем слушать правду жизни. Но мечтать на работе – это словно пытаться перебежать рельсы, когда совсем близко едет скоростной поезд. Времени мало, а поезд все ближе.

Вот, пожалуйста, не успела я подумать об этом, как ко мне направился старший менеджер отдела Виктория – строгая и железная тетка, тридцатипятилетняя стервочка, влюбленная в свое дело. Все мои старания по скоростному закрытию нерабочих файлов почти увенчались успехом. Когда она заглянула в мой компьютер, на рабочем столе красовалась девственная чистота.

– Анастасия, – обратилась она ко мне. Я наивно моргала и пыталась сосредоточиться на глазах, а не на ее пышной ше-

вельюре. Я думала, начес как у Екатерины Великой вышел из моды еще пару веков назад, но ошиблась.

– Да? – Главное – делать хорошую мину при плохой игре.

– Вы отправили предложение клиенту? Я просила вас сделать это утром, в первой половине дня.

– Конечно, – уверенно отвечаю я и попутно стараюсь вспомнить, кому и что я должна была отправить.

– Хорошо. Потому что мне звонили и сообщили, что не получали никакой информации.

– Сейчас постараюсь повторно отправить, – извиняющимся тоном произношу я. – Может быть, произошел какой-то сбой.

– Пробуйте, – бросает она и выходит из кабинета.

Работа, работа, работа... Первым делом, первым делом... А все остальное потом, там, за дверьми «Жаркого солнышка», чтобы оно сгорело в своих лучах.

Моя работа. Помнится, я тоже мечтала о ней, загадывала новогоднее желание и верила, что Дедушка Мороз его исполнит. Но самое интересное начинается тогда, когда желание исполняется, а тебе все равно плохо, потому что какая-то гадина портит тебе идиллию и наслаждение от «сбычи мечт». И все же желания работать в туристическом бизнесе и переехать в столицу исполнились, но последнее категорически отказывается давать хоть малейшую надежду на благоприятный исход.

«Эх, Джонатан... Красивое все-таки у тебя имя», – раз-

мышляла я, витая в облаках.

– Отправили? – Как гром ударил голос Виктории.

– Конечно, – утвердительно ответила я. Теперь надо быстро найти подготовленный файл и отправить на адрес клиента. Пару кликов мышкой... и... Зазвонил телефон.

– Анастасия Щербакова, «Жаркое солнышко», – отчеканила я в трубку.

Иногда я не могла побороть смех после этих слов, клиенты тоже усмехались.

– Настя, зайдите к Виктору Петровичу, – выговаривая каждое слово, скомандовала строгим голосом секретарша директора в трубку. – Сейчас же. Он вас ждет.

Сегодня все сговорились, вот и начальство вызывает. Мало мне Виктории, что ли? Нет, гендиректор у нас, конечно, душка – милый пузатый дядька, хотя ему тоже только тридцать шесть, наверное, поэтому Виктория на него и запала. Но он, как оказалось, не любит женщин с высоким начесом. Это я узнала не так давно на корпоративе, посвященном очередному юбилею нашей фирмы. Все веселились в одном из московских клубов. Я не очень люблю такой шум и всеобщие попойки, после которых все перемещаются в сауну или к кому-нибудь на дачу, но пришлось пойти, хотя я честно пыталась отсиживаться в уголке возле бара и потягивать через трубочку martini, когда на плечо легла пухлая рука директора, а его голос прокричал в самое ухо:

– Не скучай!

Я вроде и не скучала, а старалась получать удовольствие. Пока все были достаточно трезвыми, я даже потанцевать успела и познакомиться с парочкой новых коллег по работе. Но, видимо, все это не входило в перечень директорского веселья, и он предложил:

– Давай выпьем?

Отказывать начальству – смертельный грех, так говорил мой брат, поэтому я нехотя согласилась:

– Давайте.

– Два виски! – крикнул он бармену. Потом оглядел меня с головы до ног и продолжил: – И давай на «ты», я еще не совсем динозавр.

– Хорошо, Витек! – поддержала его я и похлопала по плечу. Он немного удивился такой наглости, но потом рассмеялся и остаток вечера проводил со мной и виски. Скажу честно, я была не совсем этому рада. Но начальство, как и родителей, не выбирают.

Виски был крепким и противным, а директор становился все более веселым и милым. Оказалось, он просто душа. Мы болтали обо всем: о футболе, о машинах, об экономическом кризисе и даже о любовницах и жене. Но когда выяснилось, что мне придется его провожать, то я пожалела, что пила так мало. Иначе бы лежала спокойно лицом в салат и не получила бы смачную оплеуху от жены руководителя с пожеланием отправиться в далекие дали. Что я и сделала, прыгнув назад в такси.

Целый месяц гендиректор, смущаясь, проходил мимо меня в офисе и даже в столовой отводил взгляд. Наверное, переживал за то, что я узнала секреты его личной жизни. А я, к своему сожалению, половины всего и не расслышала, а что и запомнилось, не хотелось вспоминать никогда. И вот теперь он вызывал меня на ковер. Кончились веселые деньки!

Я стояла перед его кабинетом и ждала, когда мне предложат войти. Секретарь связалась с ним и, указав на дверь, сказала, что меня ждут. Коленки тряслись, как у школьницы перед экзаменом.

– Здравствуйте, – всегда надо оставаться вежливой.

– Здравствуйте, Анастасия, – начал он, сдвигая очки на кончик носа и опять рассматривая меня с ног до головы, будто видит в первый раз. – Вы работаете у нас уже второй год?

– Да, – уверенно ответила я.

«Пашу на вас уже целый год, три месяца, две недели, пять дней и еще сколько-то там часов, между прочим», – это, естественно, не вслух.

– У нас открылась новая вакансия, и мы с вашим старшим менеджером приняли решение, что вам пора расти профессионально.

С каких пор такое благосклонное отношение ко мне, особенно со стороны Виктории? Может, хотят, чтобы я молчала обо всех его похождениях? Так я и так никому ничего не скажу. К тому же я почти ничего не помню. Но пока этого никто не знает, это мне явно на руку. Повышение... так по-

вышение.

– Не все так просто.

«Еще бы! Рано обрадовалась!»

– Перед получением должности вам необходимо будет отправиться в командировку. Вы должны наладить сотрудничество с несколькими гостиницами, собрать больше положительной информации, чтобы будущие клиенты смогли в них останавливаться, не пожалев об этом.

– Хорошо, – неуверенно ответила я.

«Только в Гондурас не отправляйте, и на Северный полюс тоже не очень хочется».

– Виктория расскажет вам, как оформить командировку и какую информацию вы должны собрать. Все остальное зависит от вас.

«Что-то здесь не так. Почему молчит о стране, в которую надо отправиться?»

– Я постараюсь. Куда я поеду?

– Это еще не все...

«Опять двадцать пять, куда вы меня отправляете, в ЮАР, что ли?»

– Не все? – насторожилась я.

– Ты вернешься в Москву только тридцатого декабря. И ты не попадешь на вечеринку по поводу Нового года. Виктория сказала, что не было возможности купить обратный билет на другие даты.

«Фух! Я уж думала, что что-то серьезное. Не очень-то и

хотелось попадать на ваш корпоратив».

– Хорошо, – нерешительно ответила я. – Куда я поеду?

Я сжала кулачки и про себя стала просить: «Только не Гондурас, только не Гондурас...»

– Лондон. Ты отправишься в Лондон.

Что?! Мне кажется, мои глаза выпрыгнули из орбит, как у муляшки, и я готова была подпрыгнуть до потолка, понимая, что судьба теперь точно на моей стороне. Лондон... Это был не просто миллиметровый шаг к мечте, это больше походило на сверхзвуковой скачок в космос! Я отправляюсь в Его страну! К нему!

В порыве неимоверной радости я подскочила к Виктору Петровичу и крепко его обняла.

– Спасибо. Спасибо огромное. Я вас люблю.

Он снял очки и, поморгав несколько раз, озадаченно проговорил:

– А вот этого не надо.

– Да, да, да! Все что захотите. Только отправьте меня быстрее в Лондон, к Джонатану!

– К кому?

– Что? – переполошилась я. – То есть отправьте меня, я обещаю выполнить свою работу четко и к положенному времени.

А остальное я прокричала у себя в голове:

«Отправьте меня к нему! К Джонатану! Мечты должны сбываться! Я еду к тебе! Держись!»

Конечно, ведь я не знала, да и не хотела верить в то, что там меня ждет работа, а не церковь и подвенечное платье. Что жизнь не так проста, а Вселенная если и дарует тебе шанс, то второго и третьего обычно не дает. И ты сам должен доказать, что чего-то стоишь и достоин своей мечты, какова бы она ни была. Но об этом я предпочитала думать потом, ведь не зря же моей любимой книжной героиней была Скарлетт.

Глава 2

Сногсшибательная новость

*Если собака кусает человека, это не новость;
новость – если человек кусает собаку.*

Чарлз Андерсон Дейна ²

Все-таки если у тебя есть лучшая подруга, то тебе веселее жить. Кто еще может тебя зарядить нечеловеческим позитивом после того, как ломает твою самооценку на корню. Конечно, самая близкая и лучшая в мире подружка.

Закончив лекцию о том, что на обычных девушках всегда и журнальных страниц не женятся, да и не влюбляются в них, чего уж там, причем подкрепив слова фотографиями других известных личностей и их жен, Надюха все же решила, что лучше попробовать встретиться со своей мечтой и реветь от того, что меня отвергли, чем реветь просто так, сидя на попе, потому что упустила свой шанс. У меня был один, по словам Нади, отличный от других признак – «загадочная русская душа». А это, знаете ли, не просто какой-то там другой цвет кожи или накачанный зад. Это, можно сказать, пиковый туз в рукаве, главная фишка в игре и, развенчивающий мою обыкновенность и стирающий многие препятствия на пути к заветной цели. Так что мы, не разду-

² Чарлз Андерсон Дейна (1819–1897) – издатель газеты «Нью-Йорк сан».

мывая, приступили к составлению стратегического плана по захвату ничего не подозревающего сердца звезды!

И если с планом все было понятно, то с его реализацией мне предстояло разбираться самой и уже на месте. И это немного пугало, потому что таких грандиозных целей я еще себе не ставила. И тем более никогда не планировала их осуществление. Как говорят у меня на родине: «Лиха беда начало!» или «От винта!».

Лондон – Мекка толерантности и сдержанных улыбок – встретил меня сырым снегом и ужасным холодом. И влюбиться в него с первого взгляда, как обещали многие, я не смогла. Интересно, почему он так нравится всем? Ужасный город. Нет, я, конечно, хорошо переношу дожди весной и осенью и снег зимой, но такая погода, как здесь, – это просто верх женского непостоянства. Утром солнце, днем снег с дождем, а вечером мороз, отчего по утрам можно поскользнуться и сесть на попу. Ужас! А все еще так мило улыбаются и приветливо щебечут: «Hello». Англичане счастливы, скоро Рождество, везде горят огоньки, растянуты красные гирлянды флажков, сверкающие елки и море подарков и скидок в магазинах. Одна я не в состоянии насладиться этим. У меня работа! И Новый год только через несколько дней, только уже не здесь, а далеко-далеко в родном городке.

Нет, я, конечно, благодарна Виктору Петровичу за то, что он отправил меня в ссылку, а Виктория растянула ее из-за отсутствия обратных билетов, но вот какая несправедливость

угнетала, у меня нет даже минутки, чтобы пробежаться по плану стратегии и выполнить хоть один из его пунктов – посетить место детства и отрочества звезды, злачные места, театры, не говоря уже о том, чтобы наведаться в те бары, где мой «возлюбленный» был замечен на днях этими вездесущими фотографами. Он гулял где-то здесь, в этом же городе, а я не могла уйти, ответственно выполняя все, что от меня требовало «Жаркое солнышко».

Но я была бы не я, если бы не смогла придумать что-то интересное, чтобы сбежать от выполнения своих обязанностей. Решительно отказавшись от транспорта, предлагаемого отелем, с которым я только что налаживала контакты, отправилась к следующему пешком. Он располагался между двумя районами, но в том, который по плану совпадал с пунктом номер один, где говорилось:

Пункт 1. Найти район, где живет «этот» и попытаться случайно его встретить.

«Так себе пункт, – размышляла я. – Ничего тут страшно-го нет – подойти к дому и подождать немного, осмотреться, а потом, когда Джонатан покажется... Случайно подвернуть ногу и упасть к нему в объятия, как в этих милых фильмах про любовь. Здесь даже особого актерского мастерства не требовалось, потому что я и так была мастером получать всякие травмы».

Куда сложнее было с пунктами два и три. Можно миллион раз подстроить будто бы случайную встречу, но не у каждого

хватит мозгов и обаяния, чтобы эта встреча не стала последней. Надежда смеялась и предлагала мне заговорить о «ноффелете», но я, надувшись, отвечала ей, что этот вариант с бриташиами не прокатит. Поэтому стоило придумать что-то особенное, но в этом пункте стратегии фантазия подводила меня.

Поправив шарф, который накрутила поверх теплого пуховика, я порадовалась теплым уггам и натянула шапку по самые брови. Может, красота и требует жертв, но если я превращусь в Снежную королеву, то придется растапливать не только его сердце, но и мое. От этих мыслей внутри немного потеплело, поэтому, схватив веру в чудо под мышку, я поспешила к ближайшей станции метро.

Спускаясь, я попутно у всех выпрашивала, как добратсья до района Ноттинг-Хилл, и для себя отмечала, что англичане очень даже добродушные люди, нечего их записывать в молчунов и снобов. Всегда улыбаются, говорят «please» и «excuse me», охотно помогают и загадочно подмигивают. В итоге блуждала я недолго, потому что после того, как один из добродушных бриташей рассказал мне, как попасть на нужную улицу, сто пятнадцать раз поворачивая налево и примерно столько же направо, я у каждого поворота просила о помощи другого и уточняла дальнейший маршрут. Но никак не могла найти дом, в котором прошло детство и отрочество моего «возлюбленного».

Ожидая на обочине «волшебного пинка», разобиженная

на всех и вся на свете, промерзшая так, что зубы отбивали что-то в ритме The Beatles, я смотрела и не видела ничего похожего на то, что рассматривала в Google до поездки. Хотя дом напротив, абсолютно белый, как дворцы в диснеевских мультиках, в три этажа и пять подъездов, с коваными заборчиками и перилами вполне мог быть им. Фасад дома затеняло какое-то разросшееся во всех направлениях дерево, ветки которого сплетались сами по себе, и, если бы не адрес на стене дома, я бы не поняла, что это и есть тот самый волшебный Грааль, который я разыскивала последние тридцать минут.

Ошалев от радости (как же, это первый стратегический успех) и выкрикнув победный клич, не сводя взгляда с дома, я направилась переходить не особо оживленную автомобильную дорогу. Эйфория затуманила не только разум, но и зрение, отрезав обзор чего-либо другого, кроме этого волшебного домика, поэтому, когда я услышала визг тормозов, совсем не почувствовала боли в правом боку и не поняла, что за сила меня толкнула и повалила набок. Через мгновение взгляд сфокусировался, и я увидела, как быстро приближался ко мне асфальт. Последними мыслями стучало в голове: «План провален! Шеф, мы в опасности!»

Падение вышло не очень жестким, как мне показалось. И после того как я собралась с мыслями и смогла сесть и обернуться, то увидела серебристый «Пежо». Мои ноги лежали под капотом, я пошевелила пальцами. Работают! Почему-то захотелось перевернуть название сбившей меня ма-

шины, так как сейчас я находилась именно там. И знала, что если и выберусь из такой сложной ситуации, то следующего шанса найти «замок принца», возможно, больше и не представится.

А еще ругала себя за то, что не смогла исполнить план в нужной последовательности.

Глава 3

Милая англичанка

*Смешно, как люто гонит нас
В толкучку гомона и пира
Боязнь остаться лишний раз
В пустыне собственного мира.*

*И. Губерман*³

Конечно, я видела, как из машины сразу же выскочила немолодая расстроенная англичанка. Почему-то ее внешность и возгласы давали понять, что она жительница Туманного Альбиона – бледная, стройная и орущая по-английски.

– Sorry! Sorry! – кричала она.

«Какое sorry, – подумала я. – Это ж Е, П, Р, С, Т и весь алфавит, вместе взятые!»

Сразу никак не получалось разобрать всех ее взволнованных речей, но отличная память, натренированная на американских фильмах, помогла мне осознать, что она кричала уже что-то другое, более пугающее:

– Кровь! Кровь! У вас идет кровь!

Боль отдалась в виске. Я протянула руку и нащупала рану

³ Игорь Губерман (7 июля 1936 г.) – поэт и прозаик, получивший широкую известность благодаря своим афористичным и сатирическим четверостишиям – «гарикам».

у самых корней волос. Потом посмотрела на пальцы – точно кровь, совсем немного, даже не стоило так орать. Вокруг собирались люди, я чувствовала холод во всем теле, асфальт совсем не грел. Женщина, которая вышла из машины, продолжала взволнованно щебетать возле меня:

– Я отвезу вас в больницу. Там вам окажут помощь. Все будет хорошо.

– О’кей, – кивнула я.

Говорила же, англичане очень добродушные и милые люди. С помощью блондинки из «Пежо» я осторожно поднялась на ноги и побрела к ее машине, будь она неладна. Еще раз взглянув на дом Джонатана, мысленно сказала ему «пока» и села в автомобиль, где играла приятная музыка и пахло ванилью. Леди пристегнула меня ремнем безопасности.

«Осторожная! Где только гуляла эта ее осторожность, когда она сшибла меня с ног?!»

За окном замелькали дома, и я закрыла глаза, чтобы не рябило. Леди привезла меня в отделение «Скорой помощи» и сказала, что все оплатит и я могу не волноваться по этому поводу.

«Мне-то чего волноваться, не я сбила пешехода...» – Возмущение топило мое ангельское терпение. Но я помалкивала, исходя из соображений своей безопасности, не хотелось, чтобы все знали, что я переходила дорогу в неположенном месте и почти с закрытыми глазами.

Небольшая приемная поликлиники, куда мы вошли,

встретила шумом потолочных ламп и тихим говорком одной из сестер у стойки, пахло здесь так, как и в любой больнице, – чистотой и лекарствами. Меня посадили в кресло-качалку и отправили в смотровую палату, где врач обработал висок и заклеил ссадину пластырем. В это же время он пытался расспросить о моем состоянии и причинах аварии, которые я пыталась скрыть:

– Как вас зовут?

– Стася.

– Сколько вам лет?

– Двадцать один.

– Где вы живете?

Тут мне пришла гениальная мысль. Конечно, надо знать, что, когда ко мне в голову приходят гениальные мысли, лучше их сразу отбросить в сторону, но больше ничего придумать мне не удалось, поэтому:

– Не помню, – ответила я, потому что меня жутко раздражали его холодные руки и запах изо рта.

Доктор удивился. Кажется, даже волосы на его седом затылке немного зашевелились. Он поправил очки и пристально посмотрел на меня карими глазами.

– Мне кажется, у меня провал в памяти, – обреченно пролепетала я и опустила глаза.

– И как давно вы это заметили? – встревоженно задал очередной вопрос доктор, разглаживая пластырь у меня на виске.

– Что заметила? – наивно удивилась я.

– Как что? – На его лице негодование. – Провалы?

– Доктор, какие провалы? – сквозь смех произнесла я.

Врач замолчал. Я заулыбалась, виновато отводя взгляд:

– Простите, это шутка. Со мной все в порядке. В смысле голова работает нормально. Я почти не ушиблась, просто ссадина.

Этого доктору недостаточно, и шутки он не любил и шутников тоже, пришлось терпеть фонарик, светящий мне в глаза. Потирая бедро, я объяснила врачу, что удар пришелся как раз туда, где могла бы быть отличающая меня от других выпуклость. Но через несколько минут, когда в смотровой палате появился крепкий мужчина в зеленом костюме с каталкой, я пожалела о том, что вообще заговорила об этом. Меня положили на каталку и повезли делать снимок, лампы на потолке ярко светили в глаза, сбившись со счета, я прикрыла веки, вновь ругая себя за то, что иду на поводу у своих бредовых идей.

Оказалось, перелома нет и трещин тоже. Зато теперь есть лондонское черно-белое фото моей попки. Класс! Приеду домой, украшу стену своего скромного жилища этим шедевром.

Взяв в руки снимок, я направилась в приемное отделение, где меня ждала расстроенная англичанка, разрушившая все мои планы. Леди болтала с кем-то по телефону, не хотелось мешать, поэтому я просто стояла у нее за спиной и бессос-

вестно слушала английский треп.

— Привезти ее к нам? — спрашивала она у кого-то на том конце. — Думаешь, так будет удобно? Да, сегодня Рождество...

Вот ведь сегодня и правда было католическое Рождество. И я, хоть и не католик, все равно хотела получить хоть маленький презент от Вселенной. Хотелось хоть глазочком увидеть Джонатана. Где он, интересно, сейчас?

— Да-да, — продолжала она. — Думаешь, не я виновата в аварии? Я сбила ее. Хорошо, привезу и попробую по дороге уговорить не писать заявление. Хорошо. Хорошо.

Заявление? Что за заявление? Мне не нужны лишние проблемы, никакое заявление я писать не собиралась. Сама виновата, зазевалась и не увидела «Пежо», но от приглашения провести Рождество в компании, пусть и от такой странной дамы, отказываться не хотелось, не сидеть же в номере и пить одной теплое шампанское? И к дому Джонатана ночью не пойдешь, что там делать, когда все празднуют, а по телевизору только каналы на английском и немецком, с их неповторимым юмором, конечно, лучше в гостях. К тому же Надюха бы мне никогда не простила, что в Рождество, то есть в праздник, я осталась в номере одна. Расстраивать подругу и подводить босса — смертельный грех, так что я решила, что соглашусь, не раздумывая.

Пока я размышляла, леди повернулась и осуждающе посмотрела на меня.

– Давно вы здесь стоите?

– Нет, – соврала я. – Только что подошла. Вот. – Я протянула ей фото своей попки.

– Все нормально, переломов нет. Можно ехать домой.

Она хитро улыбнулась.

– А где вы живете?

– В отеле, – тоскливо призналась я. – Мне надо немного проехать на автобусе, потом на метро, а там еще пешком минут пятнадцать. Я здесь в командировке, совсем одна...

«Ну, давай, пожалей меня».

Я уже хотела соврать, что мне придется идти пешком через большой пустырь ночью, а леди все не предлагала отпраздновать Рождество у нее, оставалось ковылять самой. И, только повернувшись к выходу, я услышала:

– Подождите. Не согласились бы вы провести Рождество с моей семьей, у нас дома? Все-таки я вас сбила... Да и в компании отмечать веселее?

– Конечно! – обрадовалась я. Но более сдержанно добавила: – Буду очень рада, спасибо.

И мы направились на стоянку, я опиралась на руку сбившей меня англичанки.

– Я Клер, – представилась она.

– Стася, – отозвалась я.

– Какое интересное имя.

– Русское, – переполненная гордостью, уточнила я, чем очень развеселила новую знакомую, которая оказалась очень

даже милой женщиной, как, впрочем, и все бритиши. Мы всю дорогу болтали, меня попросили рассказать о России и о себе, пришлось объяснять, что на самом деле я Настя, но друзья зовут меня Стася. И что я, раз мы собираемся вместе справлять Рождество, могу их считать друзьями. Клер смеялась и сетовала на то, что я слишком много говорю. А мне оставалось только думать, что наша неловкая ситуация и кошмарное знакомство никому не испортят праздничного настроения. А потом она поведала немного о себе и своей семье, но много рассказать не успела, потому что вскоре мы уже припарковались у обочины. За окном поджидала вечерняя темнота, я озиралась по сторонам, как «ежик в тумане», стараясь не отставать от новой знакомой и разобрать, в каком районе мы находимся.

– Не узнаешь местность? – спросила, улыбаясь, Клер.

– А она должна быть мне знакома? – удивилась я и поежилась от холода, пряча руки в карманы пуховика.

– Там, дальше по дороге, я тебя и сбила.

– Да?

Я закрутила головой в поисках того самого дома, с которым, как мне казалось, я уже попрощалась. Вот удача! Завтра точно завалюсь к Джонатану в гости.

«Вот так, внаглую, и завалишься? – спрашивало подсознание. – С этим пластырем на виске и хромоногая?»

«Нет, – обреченно ответила я сама себе. – Лучше буду ждать его весь день на лесенке соседнего подъезда и просто

посмотрю на него издалека, а потом можно будет еще целых полгода сходить по нему с ума. И это станет самым дорогим подарком на Рождество».

Но подарок, кажется, ждал меня уже здесь и сейчас. Мы с Клер поднимались по ступеням уже известного мне дома, мимо странного дерева и лысых кустов, и сердце забилося чаще. Моя спутница постучала по двери этой странной металлической штукой, и спустя мгновение дверь ей открыл седой мужчина с шикарным пивным животом. Это точно был не Джонатан, что немного расстроило, но я и так уже сегодня получила сполна, так что пришлось улыбнуться этому дяденьке и войти в дом.

– Стася, – представилась я, протягивая руку.

– Ричард, – ответил мужчина. – Хорошо, что ты согласилась провести этот вечер с нами.

– Да, – неуверенно ответила я, рассматривая небольшой холл. Здесь тоже пахло ванилью, а еще корицей и другими пряностями. На стенах приятного бежевого оттенка теснилось множество семейных снимков, которые, я посчитала, пока невежливо рассматривать. Вверх уходила лестница, а за ней, на первом этаже, наверное, находились кухня или гостиная. Вокруг горело много ламп, холл выглядел очень светлым и уютным.

«Ничего себе, типичный дом англичанина», – подумала я.

– Сейчас я покажу комнату, в которой ты сможешь отдохнуть, – спохватилась Клер.

А я спохватилась, что не расспросила о соседстве Джона-тана Коула. И решила это исправить, пока никто не разбежался:

– Простите, – начала я, стягивая шапку. Мне стало немного душно. – Когда вы меня сбили, я искала дом Джона-тана Коула. Понимаете, я очень люблю его фильмы, и это очень странно прозвучит, но и его самого.

Клер и Ричард переглянулись, что меня немного насторожило, потому что так иногда смотрела на меня Надя.

– Извините. Я не сумасшедшая, что бы вы сейчас обо мне ни подумали. Понимаете, мне хотелось бы хоть издали посмотреть на него, понять, так ли он прекрасен, как на экране. Успокоить свое растерянное сердце и вернуться домой со спокойной душой. Я не хочу причинить ему вреда или что-то такое, просто посмотреть на него и...

«Надеюсь, у меня получилось этим монологом не выставить себя совсем уж сумасшедшей фанаткой. Поверьте мне, что я белая и пушистая, просто не умывалась после аварии, а эпиляцию делала два дня назад».

Они вдруг заулыбались. Что бы это могло значить? Прохожие на улице, у которых я спрашивала про дом Джонатана, тоже мне как-то странно улыбались.

– Так вот, – продолжала я, пока они молчали. – Вы, случайно, не знаете, где он живет?

Пауза, кажется, затягивалась. Я чувствовала себя все более неловко и неуместно. Захотелось тут же сбежать и даже

отпраздновать Рождество в номере с теплым шампанским.

«Видимо, все-таки перегнула палку я с этой любовью».

Облизнув губы, я уже собиралась сказать, что ладно с ним... с Джонатаном, пусть выбросят все из головы, когда Клер еще раз взглянула на Ричарда, вздохнула и протянула мне руку, вновь представляясь:

– Клер Коул.

– Стася Щербакова. – Я смущенно пожала ей руку. – Подождите... Я что-то не поняла? Как вы сказали?.. Коул?

– Да. Я Клер Коул, а он, – она показала на мужчину рядом с собой, – Ричард Коул.

Мне в глаза бросилось фото, где эти Коулы обнимали за плечи симпатичного улыбающегося «принца» Коула! Моего «принца»! Все еще не веря себе и им, я вкрадчиво поинтересовалась:

– И вы?..

– И мы родители Джонатана, – как ни в чем не бывало продолжала леди.

«Ничего себе... Вселенная, вот это пинок ты мне дала!»

– Шутите? – неуверенно спросила я. То-то мне их лица показались знакомыми. Но узнать сразу того, кого мельком видел пару раз на экране монитора, не так просто. Сложно было поверить, что передо мной «живые» родители Джонатана.

– Нет. Не шучу, – заверила Клер.

– И вот это значит... – Я обвела руками помещение.

– Дом, где мы живем, – продолжала она.

– И где бывает?..

– Да, Джонатан иногда бывает здесь, когда возвращается в Лондон.

– И я... И вы... И мы... и... – Я, похоже, забыла английский, да что говорить... и русский тоже.

Они смотрели на меня как на полоумную, но, кажется, с пониманием. И это радовало.

– Ничего себе, – сказала я по-русски.

А дальше произошло именно то, чего я от себя не ожидала. С визгом и писком я набросилась на них, обнимая и крича:

– Вы мама и папа Джонатана! – Это было еще по-русски. Потом я слегка отстранилась и, посмотрев то на одного, то на другого, проговорила на английском, уже более сдержанно:

– Простите, это во мне заговорила моя загадочная русская душа. Очень приятно познакомиться, мистер и миссис Коул.

Они понимающе похлопали меня по спине и сказали, что Рождество наступит только ночью. И чтобы я пока подождала с проявлениями своих чувств. Наверное, они могли выставить меня сразу за дверь, опасаясь моих расспросов и того, что я накинусь с объятиями на всех членов семьи, но не выставили. Мне не хотелось думать о причинах, по которым они оставили меня у себя, поэтому я просто потерялась в пересчете пунктов плана и решила, что стоит вести себя более сдержанно, чтобы не спугнуть Удачу. А ведь теперь я нуж-

далась в ней еще сильнее.

Глава 4

Merry Christmas

*Новый год всегда приходит в полночь, но ему
никто не устраивает сцен...*

В. Сумбатов ⁴

Справившись с чувствами и с тем, что Клер стала немного прохладнее разговаривать, хоть все еще, кажется, и ощущала вину передо мной, я согласилась отдохнуть в одной из комнат, как предписал мне врач. Оставив верхнюю одежду в холле, мы стали подниматься на второй этаж. Я украдкой разглядывала фотографии семейства Коул, висящие вдоль всей лестницы. Вот Джонатан – маленький темноволосый мальчуган – играет с сестрами в детском городке, одна из них ловит его с горки. Вот он с сестрой – худощавый подросток с пристальным взглядом и нервной улыбкой. И наконец, тот самый – красавец-актер с шикарными острыми скулами, взглядом усталого странника и кривоватой ухмылкой, сдергивающий трусики с девушек любого возраста.

Я поспешила за Клер, которая не заметила моего отставания и красных щек. Она показала комнату Виктории – старшей дочери, комнату Лиз – средней дочери, комнату Клодии – младшей дочери, то есть младшего сына Джонатана,

⁴ Виктор Сумбатов (11 октября 1951 г.) – писатель-афорист, астрофизик.

которая находилась на третьем этаже. Оказывается, она на самом деле думала, что у нее родится третья дочка, но на свет появился мальчик.

– Очень миленький мальчик, – заметила она, и мои щеки запылали сильнее.

«Кто бы сомневался...» – молча съехидничала я.

Она не открыла мне двери в его апартаменты и не предложила войти, просто предупредила:

– Он не любит посторонних на своей территории.

Но мне на самом деле доставляло удовольствие только то, что я просто случайным образом попала в эту семью, что могу проникнуться тем, как он жил, кто те люди, которые его все это время окружали, кто его семья. Сейчас мне было достаточно и этого.

Она улыбнулась мне. Я тоже улыбалась, как законченная идиотка, но именно так я себя сейчас и чувствовала. Моя чаша переполнилась счастьем до краев, и я боялась только одного, чтобы все это не выплеснулось наружу и не затопило остальных.

– Ты можешь отдохнуть в соседней комнате. Это гостевая и единственная комната, в которой почти никто никогда не жил, поэтому никто не будет против.

Вновь меня охватила скованность, и странность моего положения уже чуть не заставила сказать, что все нормально, но мне пора возвращаться в гостиницу. Но я проглотила обиду и молча прошла в комнату. Вот такие «милые» бритиши.

– Располагайся, а я должна закончить с ужином, – сказала Клер и, похлопав меня по плечу, скрылась. Мне были слышны только ее шаги, а еще скрип половиц, когда она спускалась по лестнице.

– Зато через стену комната Джонатана... – Я показала язык двери и закрыла ее, чтобы в тишине собраться с мыслями и все обдумать.

«Если бы Надюха узнала, где я буду справлять Рождество, она бы не поверила! Она никогда в меня не верит...» – это первое, что пришло мне в голову, поэтому набирать ей я не стала. Стоило совершить более важные звонки, например в гостиницу, в которой я так и не появилась по работе. В офис в Москве, где ждали моего отчета. И только после того, как я выслушала монолог Виктории о моей безответственности, я смогла лечь на кровать, расслабиться и осмотреться.

Комната была уютной, даже учитывая то, что в ней никто почти и не жил. Голубые стены, мягкое голубое покрывало на кровати, на окне никаких штор, только занавеска из крупных бусин, которые отражают скудный лондонский свет и бросают блики на стены. У окна пристроились старый деревянный стол и простой складной стул, почти как у меня дома. Где тоже иногда пахнет ванилью и корицей.

Но главное, что за стеной – комната Джонатана, я могу помечтать о том, как там интересно. О том, могла бы я злоупотребить гостеприимством и пробраться в нее или представлять, как там все устроено.

«Нет, скорее всего, нет, – сказала я себе, – не смогла бы, потому что совесть иногда еще подавала признаки жизни».

И именно она заставила меня достать из большой сумки две матрешки, которые отлично подходили для рождественского подарка новым знакомым, пусть и банально, но зато символично. А менеджеры отелей обойдутся и без них, пусть сами отправляются в Россию морозить носы. Хватит им водки, каждому по подарочному набору. Я бы тоже от нее сейчас не отказалась, потому что в голове шумело, а бедро немного ныло, и все же хотелось кружиться и пританцовывать от радости. Я вскочила с кровати, закружилась и, снова упав на покрывало, поделилась пережитым с матрешками:

– Нет, я точно сумасшедшая! Но самая счастливая сумасшедшая в мире!

Подняв глаза к потолку, стала заинтересованно рассматривать трещинки. Мне казалось, что они похожи на линии на ладонях, линии судьбы, которые могут вывести тебя туда, куда ты сам не ожидаешь. Потянувшись, я еще раз улыбнулась и даже не заметила, как глаза закрылись, и я провалилась в сон. Мне снился он. Самый красивый и самый желанный мужчина на свете.

Все происходило как наяву. Голубой плед и его убаюкивающие руки, ласковые слова, он гладил меня по волосам и шептал что-то очень нежное в затылок, а когда я решила развернуться к нему лицом и посмотреть в глаза, то картинка застыла, я оказалась сторонним наблюдателем, а рядом со

мною появилась Надюха. С усмешкой она смотрела то на меня, то на «моего принца».

– И ты веришь во все это? – вдруг спросила она. – Очнись, он никогда не будет с тобой. Это сказка. Понимаешь... СКАЗКА. Для таких, как ты, не бывает сказок со счастливым концом!

Я разозлилась и кинула в нее матрешкой, попав точно в лоб. Пусть знает, как прерывать мою идиллию. Матрешка упала, и все ее содержимое разлетелось по комнате. Дымка сна тут же рассеялась, и я села на кровати.

«Вот зараза. Такой сон мне испортила! Сказка. Да, что она знает о сказках».

Осмотревшись, я заметила, что действительно была накрыта пледом. Часы на стене показывали восемнадцать тридцать, полчаса беспокойного сна, а казалось, что вечность. Сладко потянувшись, вспомнила, что в Москве сейчас только половина третьего и никакого праздника, а у меня намечается крутая вечеринка, которую я ни за что не пропущу. Стоило срочно привести себя в порядок и быть готовой к встрече Рождества, чего бы оно мне ни готовило.

«Санта?! Может быть, он тоже исполняет желания послушных девочек?»

Я нашла ванную комнату, которая располагалась напротив от гостевой, и умылась, потом вернулась назад, сложила плед и нарисовала себе приличное лицо. Легкий румянец, пушистые ресницы и нежно розовые губы. Это все, чем рас-

полагала моя сумочка. Но и так, на мой критический взгляд, я выглядела премиленькой. Вспомнив, что Клер собиралась готовить ужин, решила не злоупотреблять гостеприимством, а направиться в кухню и помочь моей новой знакомой. Ориентируясь по запаху, я приближалась к святой святых, где что-то шумело и жужжало, поэтому вышло так, что я оказалась у двери незамеченной и опять подслушала непредназначенный для меня разговор.

– Думаешь, мы правильно поступили, что пригласили ее на ужин? – спрашивал женский голос.

– Да. А что тебя так беспокоит? – волновался мужской.

– Джонатан сойдет с ума, когда узнает, что у нас посторонний в гостях, – это была Клер.

– Но ты не могла знать, что эта девушка одна из его поклонниц. И к тому же завтра ее нужно отвезти в участок для дачи показаний, – успокаивал Ричард.

– Не думаю, что она обвинит меня.

– Нет, но... – Ричард не договорил, потому что слышался звонок.

Я вздрогнула и задела какую-то картину, висящую на стене. Слава богу, она не упала, а моя сообразительность подсказала, что пора бы обозначить свое присутствие и войти в кухню, пока меня не посчитали шпионкой и не выставили за дверь.

– Добрый вечер, – пролепетала я.

– Отдохнула? – забеспокоилась Клер.

Ричард прошел мимо меня со словами:

– Я пойду открою дверь.

Я проводила его взглядом и, улыбнувшись, ответила:

– Да. Могу я чем-нибудь помочь?

Мне хотелось отвлечь от себя внимание, чтобы не обсуждать инцидент и не врать, что я ничего не слышала.

– Оу... Пф-ф-ф... Даже не знаю, – замешкалась Клер. – Ты сможешь порезать сыр?

Она протянула мне какое-то необычное приспособление для нарезки сыра и сам сыр.

– Хорошо, – согласилась я, озираясь. – Попробую.

Кухня была огромной. Огромной – не в смысле большой, а просто огромной, учитывая даже то, что их таунхаус не такой и большой. По всему периметру кухни располагалось множество ящиков как на полу, так и на стенах. Два холодильника, плита, духовка. Пахло специями, свежим сельдереем, сдобным хлебом и жареной курицей. Мой живот предательски свело, ведь я не обедала, но пришлось приказать ему замолчать и разглядывать дальше все вокруг, чтобы отвлечься. Из кухни открывались три двери. Одна – та, в которую я вошла, а другие две выходили куда-то в другие помещения, о которых мой любопытный нос хотел все знать. Посередине стоял круглый обеденный стол с пятью стульями, скатерть и сиденья стульев были сшиты из одинаковой ткани цветочного рисунка. В центре стола красовалась ваза с фруктами.

Приноровившись резать сыр, я думала о том, что моя ком-

пания совсем неподходящая для сегодняшнего праздника. Думала о том, что говорила Клер насчет моего незапланированного вторжения в их размеренную жизнь. Что ж, непрощенный гость хуже кого там, как у нас говорят? Хотя... Стоп. Я прощенный гость. Меня пригласили. И я изначально не собиралась писать никакого заявления!

– Клер, – я хотела сказать ей все по этому поводу. – Я не собираюсь обвинять вас.

Клер пристально посмотрела на меня, решаясь что-то сказать, но не успела. На кухню вихрем влетела высокая стройная блондинка и кинулась обнимать и целовать женщину напротив меня.

– Привет, мам, – сказала девушка. – Как дела?

Клер в нерешительности все еще смотрела на меня, потом, будто опомнившись, обняла дочь и тоже поцеловала. Я опустила глаза и стала сосредоточенно резать сыр.

– Все хорошо, Лиззи. А где Брендон?

– Брендон беседует с папой в гостиной. – Девушка схватила со стола кусочек свежего перца и стала грызть. Меня она не замечала.

«Обычная!» – барабанили в голове слова Надюхи. Я злилась. В этот момент ножик для резки сыра соскользнул и полосонул меня по пальцу.

– Блин, – выругалась я на своем родном языке, разглядывая палец. Что за невезение?! Слава богу, он не пострадал, я задела только ноготь.

– О! У нас гости?! – И они обе уставились на меня, разглядывающую палец и улыбающуюся непонятно чему.

«В любой непонятной или нехорошей ситуации улыбайся!» – забыла, кто это говорил, но действовало всегда безотказно. Пауза затянулась, а у меня начинало сводить скулы от улыбки. Я ждала, что Клер начнет говорить и представит меня своей дочери, но она почему-то не решалась, и я представилась за нее:

– Я Стася. Клер сбила меня машиной сегодня днем. И пожалев, решила пригласить к вам на праздник, – прозвучало как-то неуверенно, но честно. О том, что я безумная фанатка ее брата, пришлось промолчать.

– Мама, с тобой все в порядке? – испугалась Лиззи.

– Со мной все хорошо, дорогая. Скорее, надо беспокоиться за Стасю.

– Да не стоит. У меня тоже все хорошо, небольшая ссадина. Она меня совсем не беспокоит, – про бедро я промолчала. Да и зачем говорить, если мы никогда больше не увидимся. Сейчас меня беспокоил мой сломанный ноготь. Как же это бесит, когда ноготь сломан под самый корень!

– Я рада, что с тобой все хорошо, – обрадовалась Лиззи и нежно прислонилась своей щекой к материнской. – Ну, а у тебя что случилось?

Это, похоже, уже было адресовано мне.

– Да, ерунда, – успокоила я. – Просто ноготь задела резкой для сыра.

Блондинка подошла ближе и сказала мне на ухо:

– Ненавижу резать сыр. Я всегда от этого отлынивала.

Она подхватила меня под локоть и потащила за собой.

– Пошли, я дам тебе пилку для ногтей. Это, – она показала на палец, – так оставлять нельзя.

Я поплелась за Лиззи, посматривая на Клер, которая хитро улыбалась.

«Наконец-то она немного расслабилась, – подумала я. – Наверное, ей сейчас было тяжелее, чем мне. Сбить человека – это ведь не шутки. Надо позже еще раз успокоить ее и сказать, что я не собираюсь обвинять ее и подавать заявление в полицию».

Лиззи и я стояли в холле возле входной двери. Она копалась в своей сумке, болтая всякую ерунду о том, сколько всякого барахла хранит ее как бы «дамский ридикюль», а того, что надо, вечно не отыскать, а я по привычке улыбалась. В этот самый момент раздался звонок, заставший нас врасплох.

– Кто-то еще пришел. – Лиззи оторвалась от поисков и открыла дверь. Заглянув за плечо девушки, я потеряла дар речи: в проеме стояли Джонатан и его прекрасная напарница по последнему фильму – Скарлетт. Мне показалось, что я самая маленькая, самая незаметная и самая противная букашка в мире, которая пробралась в гости к тем, кто ее не ждал. Мне хотелось исчезнуть, просто испариться, чтобы никогда не видеть, так жалко я выглядела со стороны.

«А ведь я говорила!» — повторял в мыслях противный Надькин голосок, который никак не хотел затыкаться, хотя я пыталась его придушить.

Первым в дверь вошел Джонатан, он выглядел великолепно, впрочем, как всегда. На голове у него красовалась шапочка Санты, ноги обтягивали черные джинсы, на плечах черный кожаный бомбер, под которым были еще спортивная кофта с капюшоном и рубашка. Шикарная Скарлетт просто откинула за спину каштановые локоны и ослепительно улыбнулась, следуя за парнем. Они втроем, вместе с Лиззи, обнялись и поздравили друг друга с наступающим Рождеством. Пока сестра Джонатана закрывала входную дверь, вся компания перебрасывалась незначительными фразами, спрашивала, как у кого дела, как перелет и все в этом духе. Меня совсем не замечали, чему я, если честно, была только рада. Встреча с «мужчиной моей мечты» заставила меня превратиться в камень, я делала вид, что меня здесь нет. Такой себе камень-невидимка. Машинально я спрятала поломанный ноготь за спину и продолжила неприлично пялиться на объект своих мечтаний. В голове бушевал ветер.

Скарлетт первой заметила меня и улыбнулась, вообще она показалась мне такой приземленной и простой в обтягивающих джинсах, белом свитере и короткой дубленой куртке, что я ответила улыбкой и взмахом руки, но тут же спрятала ее опять за спину. Джонатан немного смутился под моим пристальным взглядом, отчего я смутилась в ответ и опусти-

ла взгляд, рассматривая носки.

– Привет. – Его грудной низкий голос что-то задел внутри меня, и это что-то перевернулось, делая сальто-мортале.

Неожиданно, сглаживая это замешательство и прерывая молчание, Лиззи сменила позицию и переметнулась ко мне. Приобняв и подтолкнув слегка вперед, она выпалила:

– Это Стася. Мама сбила ее машиной сегодня.

– Что?! – одновременно заволновались гости, и на их лицах появилась озабоченность.

– С мамой все в порядке? – забеспокоился Джонатан.

– Да. Она готовит на кухне, – успокоила Лиз.

– Со мной тоже, – смущенно вставила я свои «пять копеек».

Джонатан кивнул в мою сторону и скрылся в кухне, оставив Скарлетт с нами.

– Я Скарлетт, – представилась она, протягивая мне руку, на что я все сильнее пыталась спрятать свою. Вообще я мало понимала, что делаю и что должна делать. Голоса не было слышно, но я понимала, что что-то шепчу, двигая губами. Вся масса чувств, что я пережила за день, надвигалась на меня с такой скоростью, что я понимала: еще чуть-чуть, и сдержать этот поток эмоций я не смогу.

– Что? – переспросила девушка, наклоня ко мне голову. Лиззи опять вернулась к сумочке и была поглощена этим процессом, не обращая на нас внимания.

– Настя Щербакова, «Жаркое солнышко», – выпалила я

по-русски. Хорошо, что американцы не знают русского.

– Она иностранка? – обратилась Скарлетт к Лиззи. – Ты понимаешь меня?

– Все она понимает, – заверила ее та. – Просто она, похоже, слегка в шоке от увиденного. Две звезды мирового масштаба... И все такое.

– Ты знаешь, кто мы такие? – безэмоционально поинтересовалась она. Похоже, я потеряла для нее всякий интерес после объяснений Лиззи. И для Джонатана, наверное, потеряю тоже.

– Да, – пожала я плечами.

– Ну, я же говорила, – подтвердила свои догадки сестричка Коул. – Две звезды – это слишком неожиданная встреча для простых смертных. Ничего, сейчас я ее приведу в чувства, а ты иди к моему брату.

– Да, слишком, – отозвалась тут же я.

– Ну вот, – Лиззи протянула мне пилочку для ногтей. – Кажется, начинаешь приходить в себя. Пошли, я налью тебе папиного виски. Он быстро приведет тебя в порядок. Знаешь, это на вид кажется, что они такие «небожители». А на самом деле такие же обычные, как мы.

Я не понимала, кто это... мы. И потом, я пребывала в шоке из-за того, что не верила во все эти свои планы и стратегии, которые обещала осуществить. Я не верила в то, что вот так запросто за один день некая цепочка обстоятельств может привести к такой ситуации, где я буду сама не своя от

счастья, страха и желания прикоснуться к Джонатану.

Мы направились в гостиную, когда снова раздался звонок. Оглянувшись, я увидела, как Джонатан широкими шагами направился открывать дверь. Помпон на шапке подпрыгивал в такт его походке, а в руках он держал какой-то пирожок. Все это напомнило мне дом, где мама заботливо пыталась нас всегда откормить пирожками, где всегда тепло, уютно и легко.

Из холла доносились голоса.

– Дядя Джонатан приехал! – Это был тоненький детский голосок. – А ты мне привез какую-нибудь игрушку?

– Я – нет. Но думаю, что Санта точно принесет тебе много подарков, – ответил мужской голос. – Завтра ты самая первая проснешься и найдешь их под елкой.

Какой же он милый, даже дети его любят. Наверное, и нет тех, кто бы его не любил. Я бы могла продолжать всю ночь мысленно хвалить его. Но... Но мы с Лиззи уже стояли у бара, и она наливала мне половину стакана виски. Я замотала головой, пытаюсь объяснить, что это слишком много, но она была непреклонна:

– Надо. Иначе к наступлению Рождества мы тебя потеряем. Это чтобы успокоить нервишки.

Я взяла стакан и сделала глоток.

«Вот гадость! Самогон моего папы намного лучше».

– Выпей все, – настаивала она.

И я выпила. Обжигающая горькая жидкость провалилась

в пустой живот. От кончиков пальцев ног и рук начали разливаться приятное тепло и легкость, и этот коктейль легкости и невесомости с бешеной силой врезался мне в голову. Я заулыбалась и пролепетала:

– Мне лучше. Спасибо. – На этих словах я попятилась и присела на большое кожаное кресло.

Стало хорошо и весело, я слушала, как папа Ричард рассказывал какие-то английские байки. Видела, как парень Лиззи смеялся, сгибаясь пополам. Ко мне подходила Клер и спрашивала, все ли в порядке. Я кивала в ответ и улыбалась. Джонатан и Скарлетт о чем-то мило болтали, симпатичная девчушка рассказывала мне истории про Санту, а глаза мои слипались, несмотря на полчасовой сон в комнате наверху, мысли путались, и вся тяжесть дня навалилась на меня сонным грузом. Теперь меня не мучили кошмары, теперь я чувствовала тепло и уют семьи Коул, вспоминала свою семью и верила, что все будет хорошо.

Глава 5

Рыцарь в доспехах, или У меня трусы в горошек

*«У меня трусы в горошек
Хороши, да хороши.
Все мальчишки приставают:
– Покажи, да покажи.
– Ну а ты дурак большой,
Что не приставаешь?
У меня трусы в горошек,
Разве ты не знаешь?»
Детская считалочка
«Владимирский централ,
Ветер северный.
Этапом из Твери...»*

Словно не веря в то, что поездка в такси с начальником повторяется во второй раз, я дернулась, чтобы открыть дверь машины и выпрыгнуть, но всего лишь проснулась в темной комнате, где свет с улицы падал в окно и бусины отбрасывали тени на стену и потолок, слегка раскачиваясь.

Зрение стало привыкать к темноте, и я увидела стол и стул, и три картинки акварели на противоположной стене. А потом и память услужливо напомнила, что я, где и как сюда попала. Мое потрясение и обида на себя заставили вскочить

с кровати, но, запутавшись в пледе, я с грохотом скатилась на пол.

Интересно, кто меня отнес назад в комнату и накрыл пледом? И зачем они это сделали – ведь я так мечтала, просто желала встретить это Рождество с Джонатаном Коулом!!! А теперь? Что теперь? Получается так, значит? Вот Коул, а вот я, в кровати? И никаких фото со звездой, автографов и милых бесед за бокалом глинтвейна? А матрешки?

Выбравшись из пледа, я схватила матрешки, стоявшие на столе, и помчалась обратно вниз, перепрыгивая через ступеньку. Где-то в кухне еще слышались голоса. Оказавшись на пороге, я увидела только Лиззи и ее маму, которые о чем-то перешептывались и убрали в шкафы чистую посуду. Ужин, как я понимала, уже закончился, и безногая и бескрылая индейка с тоской взирала на меня со стола.

– Ні, – сказала воодушевленно Лиз, увидев меня. – Извини, мы думали, ты проснешься только завтра. Пережить столько всего за один день.

Я кивнула, обдумывая то, что она сказала.

– Да.

К горлу подступил ком, и мне не удалось проговорить ничего более внятного. А хотелось сказать очень много, но в основном обидное. Хотелось кричать на них за то, что они разрешили мне проспать самый потрясающий момент в жизни. Хотелось наброситься на них с кулаками и просить вернуть мне Джонатана. Хотелось так много всего, чего я не успе-

ла получить сегодня, что я просто не смогла сдержать слез и разрыдалась как последняя истеричка. Моя реакция испугала и меня, и новых знакомых. Смутившись, я развернулась и убежала назад, в комнату. Упав на кровать, я разрыдалась еще сильнее, жалея себя и ругая все семейство Коул. Ведь там, возле двери, когда я увидела входящих Джонатана и Скарлетт, я уже точно представляла себе план действий. Взять автограф, фото с ними, фото с каждым. Потом я могла бы их расспросить о многом: о съемках, о романе, о любви и о всяких этих мелочах, про которые ты думаешь, когда читаешь бредовые статьи «желтых» журналов. А теперь все это превратилось в фейк. Кто мне поверит, что я была в его доме и он сказал мне «Привет»?

В дверь постучали.

– Да?! – обессилев от рыданий, крикнула я, но получилось слишком тихо и хрипло.

– Можно войти? – нерешительно спросил женский голос.

– Конечно, я же не у себя дома, – раздраженно заметила я и села на край кровати.

Это была Лиззи. Я бы, конечно, должна была злиться и на нее, но почему-то именно ее я не могла винить ни в чем. Она хотела сделать лишь как лучше, и ничего, что это «лучше» превратилось в «как всегда». Сама виновата, никто не заставлял меня спать.

– Прости, что так вышло, – заговорила она, стоя у порога.

– Да нет. Что ты? Это я сама такая дура.

Она улыбнулась и присела рядом со мной. Девушка очень походила на брата. Только волосы светлые, обесцвеченные, но глаза того же серо-зеленого оттенка, упрямый подбородок – это, я успела заметить, у них в отца, а открытая широкая улыбка – в Клер. Лиззи тоже была красавица. Большие глаза и аккуратный прямой нос делали ее совершенно непохожей на англичанок.

– Ей-богу... Ты напоминаешь мне Джонатана, – вздохнула она.

– И чем же? – недовольно проворчала я.

– Ты так же, как и он, винишь во всем себя.

Я пожала плечами.

– Ты и правда поклонница его фильмов? – понимающе поинтересовалась она.

Я опять закивала и вытерла слезы со щек.

– Знаешь? Я тоже некоторое время была поклонницей одного музыканта, рок-певца. У меня здесь, в доме, в моей комнате, были все стены оклеены его постерами. Я день и ночь слушала его музыку. А потом, оказавшись с ним наедине, почувствовала, что это совсем не тот человек, которого я себе представляла.

Я подняла на нее глаза.

– К сожалению, он оказался козлом, – подвела итог она, и мы рассмеялись.

– Я все понимаю, – согласилась я, и плача, и смеясь. – Я всего лишь фанатка, которая случайно пробралась по дру-

гую сторону экрана. Но я не думаю, что твой брат козел.

– Да, это так, не козел. Но реветь из-за того, что заснула, не стоит, – утешала сестра Джонатана. – Я обещаю тебе, что завтра у тебя будут и его фото, и его автограф. Или я не Лиззи Коул. Веришь мне?

Я улыбнулась и кивнула в ответ.

– Сама не знаю, почему я тебе это обещаю? Наверное, потому что сама когда-то была в такой же ситуации. И потом, ты мне нравишься.

Я опять улыбнулась и в ответ получила тоже теплую улыбку.

«Может, еще и не все потеряно», – думала я.

В дверь постучали. Это был парень Лиззи – Брендон. Он сказал, что им пора возвращаться домой, потому что у них еще намечена вечеринка с друзьями в пабе. Мы попрощались, и Лиззи ушла вслед за Брендонем. На душе было пусто и одиноко. Я думала о том, что я совсем одна в чужом городе, в чужом доме, с незнакомыми людьми и что-то хочу от них получить. Реву без причины, создаю проблемы, а ведь взрослый человек уже, и никто мне не обязан помогать.

Спать уже не хотелось, поэтому я взяла полотенце, приготовленное для меня Клер, пижаму и направилась в душ. Все-таки они не такие плохие, раз приготовили все это для меня, намереваясь оставить на ночь. Но я злилась. Говорят, это не нас обижают, это мы обижаемся, но от перемены смысла это чувство просто так все равно не пропадает. А жаль.

Подставив лицо под струйки воды, хотелось помечтать, как все могло произойти, но мне вновь пришлось бы злиться и обижаться, а я из тех людей, которые стараются побыстрее забыть обиды. Оптимизм был моим помощником, советчиком и другом. Поэтому не успела я еще как следует намочнуть, как меня посетила просто потрясающая идея.

«Раз Магомет не идет к горе, значит, гора сама пойдет к Магомету!»

Пока точно я не знала, что буду делать, но, выключив воду, наскоро оберлась полотенцем, натянула пижаму и направилась приводить в исполнение свой план. Я бросила вещи на кровать в комнате и прислушалась к шорохам в доме. Везде стояла тишина. Наверняка Клер и Ричард уже собирались поудобнее устроиться в постельке. Да, они ничего и не услышали бы... если что. Ведь их комната где-то на втором этаже. Вот только скрип половиц, ох уж эти бритиши со своей любовью к старым вековым домам, так что мне нужно было быть предельно осторожной и идти на носочках.

Я выключила в комнате свет и приоткрыла дверь. Ручка двери щелкнула, я вздрогнула и остановилась, прислушалась к тишине. Сердце бешено заколотилось. Не было слышно ни звука, кроме работающего телевизора где-то внизу.

Босиком, стараясь идти совсем бесшумно, я вышла из комнаты и так же осторожно прикрыла за собой дверь. Тишина. Я подошла к двери ЕГО комнаты. Тишина. И повернула ручку. Тишина. Аккуратно приоткрыв дверь, я загля-

нула в темноту. Тишина. А потом вдруг что-то зашуршало. Я остановилась и даже задержала дыхание. Нет, мне показалось. Вокруг стояла такая же тишина. Ступая на цыпочках, я зашла в комнату Джонатана и очутилась в полнейшей темноте. Замок на двери щелкнул, когда я отпустила ручку. Хода назад не было. Сделав шаг вперед, я остановилась для того, чтобы глаза немного привыкли к темноте. И тут...

И тут включился свет ночника, который и напугал, и ослепил одновременно. И я не успела опомниться, как мягкий низкий голос выругался, а потом спросил:

– Что ты здесь забыла?

От испуга я сначала приросла к месту, где стояла, потом, разглядев говорившего, открыла было рот, чтобы ответить, но поняла, что не смогу сейчас сказать ничего действительно умного и оправдывающего мое положение. Поэтому я попыталась нащупать ручку двери у себя за спиной, все еще продолжая таращиться на Джонатана, лежащего в постели, но это продолжалось недолго, потому что через секунду он вскочил и в один шаг оказался рядом со мной, толкая дверь назад, так что я попала в западню.

– Я не получил ответа на вопрос. Что ты здесь делаешь?

Я молчала, смущенно опустив голову, хоть и хотелось рассмотреть его во всей красе.

Не дождавшись ответа, он вновь заговорил:

– Наверное, – он говорил медленно, ожидая, что я сама придумаю какое-нибудь глупое оправдание. – Ты... перепу-

тала двери?

Мне было так стыдно, как будто я совершила преступление. Но на самом деле я даже и сделать ничего не успела. Если совсем честно, то я даже и не думала о том, что я здесь собиралась делать. И уж тем более я не думала, что он здесь и не уехал с сексуальной Скарлетт в отель пяти звезд.

Попытавшись поднять голову, я увидела его худенькие волосатые ножки и белые боксеры в крупный красный горошек, потом белую футболку и небритый подбородок. Глаза его смеялись и чего-то ждали. Я нервно улыбнулась и рассмееялась в голос.

– Ну что, не нравлюсь? А я думал, вам все равно, как я выгляжу. – Джонатан смутился, как мне показалось, и зачесал пятерней челку назад.

«Кому это... нам? – думала я. – И вообще, на что он намекает? Неужели он думает, что я пришла сюда, чтобы увидеть его голого? Или еще хуже – я решила забраться к нему в постель? Вот идиот! И в мыслях такого не было».

Я посмотрела на голые волосатые ноги и его огромные ступни и сморщила нос.

– Нет, а что ты хотела здесь увидеть? Пресс Райана Гослинга? – И он похлопал себя по животу. – Или задницу Генри Кавилла?

Ладонью он хлопнул себя по задку и чертовски обворожительно улыбнулся так, что на щеке проступила ямочка.

– Идиот, – вырвалось у меня.

– Ну, я же так и думал. Поговори с любой из вас, и вы через пять минут решите, что я идиот.

Я подняла голову и, встретив его взгляд, улыбнулась. Чувство, что все это похоже на глупую сказку про Настю-дурочку, заставляло коситься на дверь. Меня просто удручала данная ситуация. Не такой встречи я хотела, не таких разговоров, не таких чувств.

– Так идиот услышит, зачем ты тайком пробралась к нему в комнату? – усмешка играла на его губах, но глаза оставались добрыми. И весь его облик напоминал такого домашнего и близкого человека, что становилось еще совестней от моей попытки пробраться в чужую жизнь. Наконец я начала понимать, что нельзя вот так просто взять и быть частью этого.

Я поежилась и сказала первое, что пришло мне в голову, чтобы скрыть истинность чувств:

– У тебя открыто окно. Дует.

Джонатан рассмеялся, сложив руки на груди. Он больше не удерживал дверь, что было подходящим моментом для побега, поэтому я дернула ручку, делая рывок, но Коул опять оказался быстрее и сильнее меня, и дверь со щелчком захлопнулась.

Мои сырые после душа волосы из-за неудачного маневра сползли на лицо, и я откинула их на спину, делая шаг назад, чтобы видеть лицо хозяина комнаты, а не его ноги. Мне хотелось знать, зачем он это делает? Хочет помучить? Я же и

так уже осознала, что сделала ошибку, пробравшись в святая святых.

– Хорошо выглядишь, – сказал он, показывая рукой на мою пижаму. – Грудь у тебя ничего.

Опустив глаза на футболку, я мысленно выругалась и сложила руки на груди. От сырых волос пижама просвечивала, я выглядела как звезда на вечеринке сырых маечек. Джонатан же улыбался еще шире.

– Идиот! – вырвалось у меня снова. – Вот черт.

Он рассмеялся в голос.

– Пусти, – попросила я, толкая его боком, стараясь при этом не опустить руки и не дать ему возможности еще раз лицеизреть меня во всей красе.

– Подожди, – он не давал мне уйти, одной рукой удерживая меня, а второй – дверь.

– Нет! – не унималась я. – Пусти меня!

– Да подожди же ты! Сама ко мне пришла. А теперь кричит, как...

Он не договорил, потому что, пока я толкалась, пытаюсь все же сбежать, я наступила ему на ногу.

– Черт! – выругался Джонатан. – Сойди с моей ноги!

– О, прости. Прости, я не хотела.

Он собирался нагнуться к отдавленному пальцу, а я, сама не знаю зачем, тоже хотела нагнуться и помочь ему. Или посмотреть, что там с пальцем. В общем, лучше бы я этого не делала, потому что следующее, что я увидела, – это звез-

дочки... такие голубые, розовые, желтые и даже зеленые, которые, как в мультике, крутились вокруг моей головы. А на лбу, вероятно, скоро должна была вырасти шишка. Мы отпрянули друг от друга в разные стороны и приземлились на пятые точки. Я посмотрела на Джонатана, пытаюсь все еще прикрывать грудь, и расхохоталась.

«Эта семья меня угробит!» – подсказывал разум.

– Что ты смеешься? Пришла и покалечила. Лучше бы сделала то, что задумала, – простонал он.

– Что?! Ты что думал, я пришла сюда, чтобы... – И я покосилась на кровать. – Спешу разочаровать, но нет.

Перевернувшись на бок, закрывая свои прелести, я попыталась подняться на четвереньки, а потом и встать. Ведь сейчас как раз выдался подходящий момент для побега, мне только стоило быть попроворнее.

– Хм, сзади вид тоже ничего, – хохотнул Коул.

– Ты, ты... Ты просто самодовольный болван, – возмутилась я, позабыв о том, что хотела сделать.

– Да? Возможно. Но это не я пробрался к тебе ночью... В сырой маечке, с покрасневшими щеками и голыми ступнями.

– Все, хватит, – попыталась остановить его я. – Это было ошибкой, я вовсе не хотела. Я думала, комната пуста. И...

Я всплеснула руками, но тут же вернула их на место, закрываясь. Он все еще сидел на полу, довольно улыбаясь чему-то, а мне не хотелось продолжать оправдываться, поэто-

му я схватила за ручку этой ненавистной двери, открыла ее и почти сделала шаг, чтобы выйти, когда почувствовала его руки, хватающие меня со спины. Он затащил меня назад, а я готова была расплакаться.

– Ты что, боишься меня? – задал он наиглупейший вопрос, когда развернул лицом к себе и отпустил.

– С чего ты взял?! – обдав его ледяным взглядом, выпалила я.

– Ну... Ты дрожишь.

– А ты удерживаешь меня силой, – заметила я.

– Подожди. В данной ситуации это я должен был бы тебя бояться, – саркастически заметил он. – Ты вторглась на мою территорию, назвала идиотом. Я не понимаю. А сейчас просто пытаешься сбежать, ничего не объяснив.

Тут мое терпение лопнуло, и я начала на самом деле злиться:

– Ты тугодум или точно идиот?! Я не собиралась набрасываться на тебя! Я сама не знаю, что хотела сделать, может, просто посидеть здесь или не знаю... – пришлось перевести дыхание, или меня бы вырвало. – Я не собиралась лезть к тебе в постель. Я думала, здесь никого нет. Я бы просто посмотрела, и все!

Джонатан завис. Он изучал меня, пристально разглядывая, но ничего не мог понять, потом вдруг состроил брови домиком и извинился:

– Прости! Я идиот... – Он строил клоунские рожи, обы-

вая себя: — Я болван. Придурок. Подожди. Присядь.

Он указал на кровать, и я прищурила глаза, сомневаясь.

— Да не бойся, я приставать не буду.

— Я же сказала — никто тебя не боится! — и присела на кровать.

Он несколько минут копался в каких-то коробках, стоящих в углу комнаты, которая в тусклом свете прикроватной лампы выглядела ничуть не больше той, в которой мне предложили спать. В углу тоже стоял стол, напротив кровати высились книжные стеллажи, но разглядеть, какие там книги, при таком свете было невозможно. На одной стене висели гитары. Но сейчас Джонатана интересовали коробки, а меня — его пятая точка, соблазнительно выпирающая в мою сторону, и его прекрасные обтягивающие трусы в крупный красный горох. Хорошее вышло у нас знакомство. Так сказать, начали с самого главного.

А еще каких-то полчаса назад я думала, что никогда его больше не увижу вот так близко. Что жизнь моя не задалась, раз я не умею загадывать желания и помогать им исполняться. А еще, что писать планы по завоеванию мира больше никогда не стану. Не мое это.

Мои мысли прервал Джонатан, который, видимо, привык передвигаться очень быстро, и в два шага пересек комнату, оказавшись возле стола. Он порылся в ворохе каких-то бумаг, вытащил из-под них ручку и, наклонившись к столу, начал что-то писать. Пока он был занят, я бросила взгляд на

смятую постель, на краешке которой сидела.

– Точно не думаешь об этом? – ехидно заметил хозяин комнаты.

Я вскочила с кровати, откидывая волосы на спину и прикрывая грудь.

– Если только в самых тайных мечтах, – иронично подметила я.

– Понятно, – усмехнулся Джонатан. – Тогда вот.

Он протянул мне какую-то фигурку, башенку.

– Это Биг-Бэн. Покупал эту безделушку, чтобы подарить кому-нибудь. Радуйся, этим кем-нибудь будешь ты.

Я взяла ее в руки и покрутила.

– Спасибо, – почему-то в горле стало сухо, а нос защипало.

– Да, места на фигурке немного, поэтому уместились только твое имя и мой автограф. Он ведь тебе нужен? Это ты отрицать не будешь?

– Нет! То есть да! То есть...

– Подожди еще секунду! – воскликнул он.

– Жду.

И Джонатан стал рыться в сумке, валявшейся возле стола. Красный горох на его попе был просто неотразим. И я улыбалась, как дурочка. От счастья или еще от чего-то. Он вытащил из сумки кепку и майку с эмблемой его последнего фильма и протянул их тоже мне.

– Возьми. Это тоже тебе. А то и правда подумаешь, что

Джонатан Коул ненормальный.

– Спасибо, – еще раз сказала я. – Не буду так больше думать.

Это было очень трогательно и волшебно. И я не знала, что сказать или сделать, чтобы не разрыдаться здесь, в его комнате, чтобы выставить себя еще и плаксой плюсом к сексуально-озабоченной фанатке.

– Теперь я могу идти? – тихо пробормотала я.

– Конечно. Только не забудь прикрыть грудь, – усмехнулся Коул.

Я засмушалась и опустила глаза. В этот момент Джонатан обнял меня одной рукой и поцеловал в щеку. А потом прошептал, щекая ухо:

– И не забудь об этом написать в какой-нибудь социальной сети. Пусть все знают, что я не идиот. И не самодовольный...

Я договорила за него:

– Засранец.

Он открыл мне дверь, и я вышла. Теперь мне не надо было идти на цыпочках, но я шла на ватных ногах. Счастье? Нет, это было что-то другое. Что-то большее, чем просто хорошо. Я была на седьмом небе. И оттуда слышала, как Джонатан пожелал мне спокойной ночи, а я, потерявшись в его горящих сонных глазах, пожелала того же в ответ.

Свет в комнате я не включила, а сразу плюхнулась на кровать. В окно светила луна, и свет от нее, попадая на бусины, отражался волшебными бликами на потолке.

– С Рождеством, – сказала я себе.

Глава 6

Новые друзья – не хуже двух старых

*Дружба – это когда можно ни с того ни с сего
приехать к человеку и поселиться у него.
Давид Самойлов⁵*

Знаете, что самое паршивое в праздниках?

Вот это вот все, вся эта суета с елкой, с подарками, с поздравлениями и желаниями. Все эти веселые лица в ожидании чуда, в ожидании сказки, которая должна свершиться с боем курантов. А на самом деле после 00:00 идет просто 00:01, потом 00:02 и дальше. Жизнь продолжается. Только она уже не та...

Знаете, что самое паршивое, когда твое желание исполняется?

Пустота. Да, пустота от того, что ты получил что-то, и теперь ждать больше нечего. Будто кто-то обманул, поманил пальцем, а потом исчез. Все, что теперь у меня есть, – это фото, небольшая фигурка Биг-Бена, да память о его теплых губах на щеке и прикосновениях, которые вспоминаешь в мельчайших подробностях, смакуешь, теряешься в них и не хочешь возвращаться к реальности. Это словно часы пробили двенадцать, и карета превратилась в тыкву, а твоя тыква

⁵ Давид Самойлов (1920–1990) – русский советский поэт и переводчик.

— это офис и его постоянные работники, которые и понятия не имеют, где ты была и что чувствовала.

Сказка закончилась, уважаемые господа присяжные и заседатели. Мечты имеют свойство сбываться, и моя сбылась. Я увидела Джонатана, получила поцелуй и вернулась домой к сроку. Новогодние праздники в кругу семьи и вкусных маминых пирогов. Встречи со старыми друзьями и разговоры о парнях. Только вот я, кажется, была уже не та, и разговоры эти не мои. Моя оболочка ходила в гости и встречалась с друзьями, а Настя все еще оставалась в Лондоне, в этой маленькой комнатке с видом на дома из красного и белого кирпича, с влажным воздухом улиц и изморосью по утрам. Я не хотела возвращаться. Я хотела к нему в комнату, разговаривать, вместе смеяться, смотреть друг другу в глаза, не понимать, зачем ты там.

Но за окном «Жаркого солнышка» шел снег, он валил хлопьями, создавая и продлевая сказку, в которой, я знала, теперь не мне быть главной героиней. Печально, но действительность такова, что всегда наступает утро, когда ты покидаешь сказочный дом и его обитателей. Прощаешься с ними, но потом встречаешься вечером, чтобы подписать бумаги и отказаться от обвинений. Затем вы ужинаете, болтаете о ерунде и получаете в знак признательности несколько фото с автографом звезды. Обещаете не пропадать и хоть изредка сообщать в скайп, что у вас все хорошо. А потом садитесь в самолет, стираете со щек слезы и смотрите в иллюминатор

на прекрасный мерцающий огнями Лондон. Размещаете фото вашего мягкого места в самой красивой рамке на стене, на видном месте в маленькой комнате в Москве. И на этом все. Точка. Потому что самой не собрать денег на билет обратно в сказку. Потому что нет причины, по которой я могла бы там еще раз оказаться, а точнее она есть, но судьба не дает второго шанса. Поэтому ты, как всегда, открываешь любимый сайт, рассматриваешь его фото и читаешь статьи о том, как «весело мистер Коул отметил Новый год в компании невероятной Скарлетт». И решаешь, что эту страницу пора перевернуть, что ты слишком тянешь с этим. Сказки бывают только в книгах, а жизнь... Жизнь порой бывает грустнее любой из написанных книг.

Кто говорил, что исполнение желаний делает человека счастливым? Мне кажется, что сейчас я еще несчастней, чем была до поездки в Лондон. Несчастней от того, что я прикоснулась к чему-то недоступному, от того, что познала счастье и... и потеряла его.

Единственным утешением было то, что моим другом стала Лиззи, его сестра. Почему она захотела продолжать общаться со мной... просто загадка. Загадка без ответов, но со многими неизвестными. Вероятно, вместо Джонатана тайна «русской души» заинтересовала его сестру, поэтому мы несколько раз общались по скайпу. Она рассказывала о Натане (так ласково называли его дома) и Клер. Обо всей этой бумажной волоките с наездом, которая почти решилась.

Сидя в своем небольшом уголке со стеклянными офисными стенами, я легко могла прийти к выводу, что мечтать вредно для жизни. Мечты разбиваются, и их осколки больно ранят. А раны невозможно залечить, потому что твой доктор живет настолько далеко, что остается только жить с этой болью, не дающей забыть, что со мной приключилось на Рождество в Лондоне.

– Щербакова?! – Строгий голос вырывает из размышлений.

– Да, – отозвалась я, возвращаясь в реальность последнего рабочего дня недели.

– Когда будет готов отчет по отелям? – Виктория, кажется, стала еще злее после праздников.

– В понедельник к девяти утра, – отмахнулась я.

– Я должна их получить сегодня к вечеру, поторопись. – Она заглянула в мой уголок и тут же исчезла, словно не хотела, чтобы я что-то у нее спросила или вообще заговорила о чем-то.

У меня завибрировал сотовый. Не успев подумать о странном поведении Виктории, я нажала на ответ.

– Стася? – издали раздавался незнакомый голос, с акцентом произносящий Стейси.

– Да, это я, – очень интересно, кто так странно произносил мое короткое имя.

– Привет, это Клер, – вот так неожиданность.

– Здравствуйте, Клер. Как поживаете?

Все взгляды офисных обитателей «Жаркого солнышка» устремились на меня. Оказалось, что здесь уже все знали о моей везучести на столкновения с машинами и ждали того, как решится дело. Как будто я не могу потрындеть со своими знакомыми из Лондона по-английски просто так.

– Хорошо. Как у тебя дела? – услышала я в ответ, отворачиваясь от заинтересованной аудитории.

– У меня тоже все хорошо, – ответила я.

– Я расставила твои матрешки на комод. Их двенадцать, как месяцев в году, – восторгается Клер. – Они просто изумительные.

– Да-да. Это очень мило – наш разговор похож на обычный треп обычных бритишей. Но я-то не бритиш, поэтому чувствую подвох и жду, когда Клер расскажет, в чем дело.

– Твой телефон дала мне Лиззи. Это она попросила позвонить и поговорить с тобой.

Клево...

– Лиззи молодец, – неуверенно протягиваю я.

– У нее скоро концерт. Она же говорила, что поет? У них группа, Лиз солистка. Они выступают в одном клубе.

Да, помню. Она меня приглашала, когда звонила последний раз. Только вот денег у меня совсем нет, а отказать я не решилась.

– Лиззи говорила, – невнятно лепечу я Клер. – Но у меня, к сожалению, нет возможности. Так много работы. Я просто завалена новыми проектами и встречами, и...

– Приезжай, – она будто бы и не слышит меня. – Мы будем рады тебя видеть. Да и гостевая комната уже по тебе скучает.

О, как бы я хотела быть там. Пожить в их доме. Возможно, еще раз увидеться с Джонатаном. Посмеяться над его семейками в горошек, отвечать на его улыбку улыбкой, разглядывать гитары на стенах и пить их темный тягучий портер. Отказаться сложно. Очень сложно.

– Не могу пока дать определенного ответа, – говорю я ей.

– Лиззи сказала, чтобы я не отставала от тебя, пока ты не согласишься, – и я слышу улыбку, если ее можно услышать.

– Клер, – начинаю врать, – я бы с радостью, но боюсь, что с работой не получается. Я очень сильно постараюсь.

– Стася, мы будем тебя ждать.

Врун из меня всегда был неважный, но и просто сказать «нет» у меня никогда не получалось. Я ужасно боялась расстроить людей, разочаровать их. Чувствую себя неуверенно, когда люди начинают уговаривать, но не могу устоять, знаю, что потом придется соврать все равно. Банки грабить я не умею, а в кошельке столько золотых, что не хватит даже на билет в один конец.

– Клер, я постараюсь, – мямлю я.

– А дело наше почти закрыли. Хорошо, что ты подписала бумаги о том, что не имеешь претензий. Но вся эта бумажная волокита еще продолжается. Может быть, если ты приедешь, мы попробуем вместе урегулировать этот вопрос. Без тебя никак не получается.

Черт, но как же объяснить, что я всего лишь рядовой сотрудник «Жаркого солнышка»? И купить билет для меня равносильно тому, чтобы обзавестись новым «Мерседесом», о котором я могу только мечтать.

– Да что вы? Это ведь я была виновата. В смысле я переходила в неположенном месте...

– Ну, в полиции так не считают. Бумажной волокиты много. Так что, мы тебя ждем?

Что тут скажешь?

– Да. Я постараюсь приехать, – и зачем я это говорю. Все равно не смогу, наверное.

– До свидания, – добившись своего, распрощалась со мной Клер.

– До свидания, – глупо улыбаюсь я, понимая, что все это полный бред и у меня нет никакой возможности приехать к ним. Ни денег на билет, ни отпуска, ни сил. Но судьба всегда знает лучше нас, что мы должны делать, а от чего отказаться. Моя судьба – оптимистка на всю голову, которая с самого начала года решила одарить меня прекрасными моментами жизни.

Повернувшись к рабочему месту, я уставилась в монитор, разглядывая документы там, а сослуживцы разглядывали меня.

– Это был клиент, – объяснила я, желая, чтобы меня оставили в покое. Но сегодня, похоже, был не мой день, потому что следующий звонок на сотовый не предвещал ничего

хорошего, хотя бы в плане того, что я никак не могла снова приступить к отчету и закончить его, пока не закончился день.

Пришлось снова отвернуться от раздраженных мин и ответить абоненту, которого давно пора было перенести в черный список.

– Да.

– Когда заберешь свои вещи? – Мой некогда любимый МЧ теперь только так разговаривал со мной. Ведь я ушла, променяла его на картинку в компьютере. Я сказала, что не могу его больше любить так, как он этого заслуживает, но он не понял и просто послал меня ко всем чертям. Оказывается, он все это время знал, что мне именно там и место. И вот теперь, когда моя жизнь, кажется, не может быть еще мучительнее, он появился в ней и решил добить раненого.

– Когда скажешь, тогда и заберу, – заговорила я в таком же духе.

– Забирай сегодня. Они мне мешают.

Интересно, как может помешать сумка, валяющаяся на лоджии?

– Приеду сегодня и заберу. Надеюсь, в восемь тебя не будет в квартире. Очень не хочется, чтобы ты встречался с человеком из преисподней, – держалась из последних сил, но плотину прорвало.

– Дерзость – еще один из твоих недостатков, который вряд ли тебе поможет в жизни.

Конечно, я понимала, что сделала ему больно, но когда один человек прогрессирует, а другой остается на продавленном диване в окружении сериалов, то хочется биться головой от недопонимания. Поэтому, когда отношения накаляются, кто-то просто делает шаг вперед, а кто-то так и остается на своем диване.

– Я просто кладезь недостатков, не переживай, никто на меня еще не позарился, – сама не знаю, почему говорю ему это. Может быть, чтобы утешить, а может, просто жалею.

– Ключи не забудь, – в телефоне слышались противные гудки, вот и делай людям добро.

Шесть лет моей жизни пролетели впустую. Потратила их на безмозглого болвана! А ведь именно он помог осуществить парочку моих новогодних желаний. Так что бойтесь своих желаний или тех, кто пытается их осуществить.

Я усмехнулась нерадостным мыслям и все-таки решила вернуться к работе. Зазвонил рабочий телефон.

– «Жаркое солнышко», Настя Щербакова, – отвечаю раздраженно я.

– Анастасия? Зайдите в отдел кадров.

– Сейчас? – уточняю я.

– Да, сейчас.

– Хорошо.

Знаете, все, что случайно изменяет нашу жизнь, я считаю вовсе не случайностью. Судьба в нас самих, она лишь ждет внешнего повода для выражения действием своей воли. И

мы тогда принимаем ее с пониманием, потому что внутренне уже готовы к ней. Хотя с утра еще ожидали иного.

В отделе кадров пила чай и сплетничала секретарша Витька, когда я вошла, она сочувственно улыбнулась и пожелала удачи. Удача явно сегодня меня любила, причем уже не один раз за день. Так что я готовилась к худшему, и не ошиблась. В листке, который мне протянула кадровик нашей «жаркой» конторы, мне обещали свободу и деньги. Мою маленькую скромную должность сокращали, очень сильно извинялись и предлагали выплатить три зарплаты вперед и компенсацию за отпуск.

Я не могла остановиться и все смеялась, и смеялась. Кто-то принес мне водички, кто-то говорил, что это нервное, обещал, что все наладится. Я же радовалась тому, что чертовка-судьба решила преподнести мне второй шанс, от которого отказываются только дураки или, наоборот, очень разумные люди. Не знала, к кому точно отнести себя сейчас, но позже Надюха сказала, что, скорее, к первой категории, потому что уже через неделю я сидела в самолете, пила «Швепс» и рассматривала Лондон в иллюминатор самолета.

Глава 7

Желтый «Икарус»

*Эта мысль – украденный цветок,
Просто рифма ей не повредит:
Человек совсем не одинок —
Кто-нибудь всегда за ним следит.*

И. Губерман

Я вышла из самолета и вдохнула морозный лондонский воздух. Вот мы и встретились снова.

«Hi, London!»

Пройдя таможню, я оказалась в терминале прилета и стала искать глазами встречающих. В поле моего зрения появился Брендон, парень Лиззи. Сама Лиз приехать не смогла, у нее была репетиция, Клер срочно отправилась по каким-то делам, а Ричард работал. В общем, гостеприимные бритиши нашли крайнего, который не только не любил разговаривать, плюс все время нервно поглядывал в мою сторону и был рыжим, как тот паренек из песенки, что замочил деда. Незвестно, почему он мне понравился в первый раз, но теперь рядом с ним я чувствовала себя неловко и старалась тоже поменьше говорить. К тому же мне пришлось самой тащить тяжелый чемодан в дом Коулов на третий этаж. А

джентльмен, что согласился меня встретить и отвезти, просто передал ключи от дома и растворился в морозном туманном воздухе города. Наверное, Лиззи виднее, в чем шарм лондонских денди.

Подъем до комнаты с чемоданом занял не меньше двадцати минут. Но с тем, что находилось в нем, я бы ни за что не рассталась. Теперь для покорения Джонатана у меня был целый боекомплект: платье, косметика, сапоги и всякие женские штучки, которыми, возможно, я и не буду пользоваться.

В доме стояла тишина, я закрыла дверь комнаты и плюхнулась на кровать, чтобы немного перевести дух, но тут же встала, открыла окно и еще раз вдохнула морозный воздух города. Я сама себе не верила, что вернулась в эту страну, в этот город и в этот дом, мне хотелось петь от счастья, переполнявшего меня, хотелось просто петь от того, что я сюда вернулась так скоро. Я достала наушники, подключила их к сотовому телефону и включила первый попавшийся трек. Меня затопили веселые нотки песенки Владимира Кузьмина (я и не знала, что у меня есть такой трек, но потом вспомнила, что мы ее горланили с Витьком в такси):

Эй, красотка, хорошая погода,
Была бы лодка, мы б уплыли вдвоем⁶.

Я взяла в руки круглую расческу и стала в нее, как в мик-

⁶ Владимир Кузьмин. «Эй, красотка», 2002 год.

рофон, петь, возомнив себя Адель:

Эй, красотка, мне не нужна лодка,
Мне нужна любовь!!!!

Подскочив к чемодану, я яростно дернула за молнию, продолжая пританцовывать и подпевать Кузьмину, хорошо, что он этого никогда не услышит, жаль его уши. Кто пел когда-нибудь в наушниках, смело представит себе – то еще зрелище, когда ты не каждый раз попадаешь в ноты и слова, которые знаешь не очень хорошо. Откинув крышку чемодана, я побросала некоторые вещи на кровать и потом вспомнила, что очень проголодалась, потому что уснула в самолете и пропустила завтрак. Но меня так захватила эта композиция, что я, не снимая наушники, вышла в коридор и направилась на кухню, чтобы перекусить и выпить кофе или чай. В доме никого не было, а мое настроение просто зашкаливало от радости, так что я решила ни в чем себе не отказывать.

Когда я включила кофеварку, закончилась песня Кузьмина, но на смену ей зазвучала еще более заводная – группы «Чайф». Я всегда их любила, эту любовь к ним привил мне бывший, возможно, это было единственное, за что я осталась ему благодарной. Так что с сэндвичем в руке и с «Оранжевым настроением» в ушах я вышла в гостиную, распевая во всю мощь, как мне хорошо с «бутылкой кефира...»:

Бутылка кефира, полбатона.

Бутылка кефира, полбатона.
А я сегодня дома-а-а.
А я сегодня дома-а-а.
А я сегодня дома один е-е-е ⁷.

Я танцевала перед зеркалом, что пряталось за стеклами и посудой в высоком серванте, жуя в то же время сэндвич. И забавлялась тем, что я одна и могу делать что хочу. Радость просто затопила меня всю и вырывалась наружу с песней. Хотелось прыгать, кричать и повторять: yes, yes, yes! Запрыгнув на один из диванов, я, как заправский рокер, стала мотать головой и все громче подпевать Шахрину. Откинув расческу, я продолжала петь в бутерброд с ветчиной. Потом спрыгнула и подбежала к семейным фото, продолжая пританцовывать, пока не заметила в отражении огромного телевизора чью-то тень.

«Черт! Кто это? Надеюсь, что Клер», – глупо рассуждала я, а в ушах звенело:

А я похож на новый «Икарус»,
А у меня такая же улыбка
И как у не-е-е-го,
И как у не-е-е-го
Оранжевое настроение е-е-е.

Я осторожно повернулась, а у дверного косяка, подпирая

⁷ Группа «Чайф», «Оранжевое настроение», 1993 год.

его, стоял Джонатан, он улыбался, как «желтый «Икарус», только что вошедший в дом или собирающийся его покинуть. Похоже, ему передалось мое «оранжевое настроение», потому что его глаза светились, а улыбка играла на губах, заставляя смущенно улыбаться в ответ. В руках он крутил телефон. Ситуация вышла наиглупейшая, но, встретив мой взгляд, он смутился и опустил голову, почти так же, как и я. И это оставляло надежду на то, что выглядела я не полнейшей лузершей.

Когда я взглянула снова, его губы двигались, но я ничего не слышала.

«Черт! Надо вытащить наушники!»

– Привет, – неуверенно проговорила я.

– Кхм... Привет, – все еще посмеиваясь, ответил Джонатан. – Классно танцуешь.

– Да уж.

Я стояла посередине комнаты, накручивая на палец провод от наушников, и не знала, как себя вести. Меня дико душило смущение, и, кажется, вся кровь сейчас прилила к лицу и шее. Этот жар я чувствовала сама и от этого смущалась еще больше.

– Мне стыдно, что ты... – пробубнила я себе под нос.

– Бывает, – перебил он. – Нет, ты на самом деле неплохо танцуешь и поешь. Эм... Когда попадаешь в ноты.

«Вот ведь засранец!» – вскинулась я, смотря вызывающе прямо в глаза. Хотя что я хотела? Представляю себе, как я

орала и дергалась, как на электрическом стуле. Лучше бы сейчас я была там, а не краснела как рак перед тем, кто мне так нравился.

Присев на диван, я ждала, что Натан тут же уйдет, но моя попытка смущением, которая вот уже второй раз повторялась с нами двумя вместе, продолжалась, но тут я уголком глаза заметила ботинки и услышала шаги, я приподняла голову и стала рассматривать его. Джонатан сидел, расставив широко ноги, продолжая в руках крутить телефон и рассматривать цветочный узор ковра. Внезапно он приподнял голову, и его пристальный взгляд застал меня врасплох. Я тут же отвернулась.

– Давно приехала? – спросил он небрежно.

– Нет, – в горле пересохло.

– Пойдешь на концерт Лиззи? – Мягкий тембр его голоса и меня начинал размягчать. Но мне вовсе не хотелось отвечать на его вопросы, потому что они звучали слишком сухо и походили на допрос. А еще я все еще чувствовала себя неловко от того, что танцевала и пела не для публики, но оказалось, что это не так.

– Да, – односложно ответила я.

– Не хочешь разговаривать?

Я посмотрела на него, и он тоже смотрел, изучая, а потом улыбнулся совершенно обезоруживающе.

– Тебя расстроило то, что я видел, как ты танцевала? – И его брови сошлись на переносице, а улыбка пропала.

– Немного, – ответила я и смутилась, чувствуя, что снова начинаю краснеть. Хотелось что-то еще сказать, но я не знала, о чем говорить. И Джонатан выглядел таким уставшим, грустным, что даже улыбка казалась вымученной. Я уже хотела спросить, что его так беспокоит, но он быстро отвел взгляд, встал и пошел прочь, крикнув через плечо:

– Не злись на меня, я не хотел тебя смущать.

– Я не злюсь! – заторопившись, крикнула я, но в ответ услышала только хлопок закрывающейся входной двери.

Оставшись одна, я еще долго смотрела в проем двери, где скрылась ссутулившаяся спина Джонатана. Что я чувствовала? Смятение, отчаяние, боль? Отчаяние от того, что ты не знаешь, что происходит, и не можешь помочь человеку, который тебе так дорог. Смятение от этих его пристальных и изучающих взглядов, будто он пытается разгадать, что ты за диковинная зверушка, попавшая по счастливой случайности не в то место и не в то время? Боль от того, что не знаешь, чем помочь и что сказать тому, кто дороже всех для тебя? Я не знала, что ответить самой себе, поэтому вернула наушники на место и включила следующий трек:

Одинокая птица, ты летаешь высоко,
И лишь безумец был способен так влюбиться.
За тобой вслед подняться,
За тобой вслед подняться,

«Неужели, я и есть тот безумец, способный влюбиться в такого, как Джонатан? Или я просто безумец, который задает себе такие глупые вопросы?» – думала я. И совершенно точно пришла к выводу, что я просто безумец, который слишком часто копается в себе и задает много вопросов, на которые совершенно не знает ответов.

С этой мелодией и не очень радужными мыслями я вернулась в комнату разбирать вещи, а остаток дня провела с Клер. Она приехала через час после всего произошедшего и, как любая хозяйка, принялась меня кормить и расспрашивать, как я добралась. Мы проболтали с ней до девяти вечера, но Джонатан так больше и не появился. В начале десятого все разошлись по комнатам, желая друг другу хорошей ночи. Я приняла душ, расстелила постель и сидела в пижамных штанах и топе, сушила волосы и читала сообщения на сотовом от обеспокоенных друзей в количестве двух штук. Я уже собиралась выключить ночник и забраться под одеяло, когда раздался стук в дверь.

– Кто там? – удивилась я.

– Это Натан. То есть Джонатан. Короче... Коул. Можно войти? – объяснял голос за дверью, что заставило меня улыбаться и даже хихикнуть в голос. Но я тут же спохватилась, вскочила с кровати, посмотрелась в зеркало, забралась назад

⁸ Nautilus Pompilius. «Одинокaя птица», 1996 год.

и хладнокровно сказала:

– Входи.

Глава 8

Счастье – это когда тебя понимают

*Свои черты, штрихи и блики
В душе у каждого и всякого,
Но, непостижимо разнолики,
Мы одиноки одинаково.*

И. Губерман

Расправив складки на одеяле, я сидела, сложив ноги по-турецки. Я не знала, что делать, поэтому все поправляла и приглаживала одеяло. В этот момент дверь приоткрылась и вошел Натан. Мне показалось, что даже в драных на коленях джинсах, старой серой футболке с растянутым воротом и спутанными волосами, которые он нервно зачесывал ладонью назад, выглядел парень неотразимо. И никто не переубедил бы меня, что картинка в компьютере и вот этот вот красавец имеют какие-то отличия, как говорила мне Лиззи. Это был тот, о ком я мечтала у себя дома, тот, кто мне снился и с кем я хотела бы быть вместе.

Зачем пришел Джонатан, я не знала. Хотелось думать, что это ответный визит после того моего шпионского посещения месяц назад. Но его сдвинутые к переносице брови и задумчивый взгляд говорили, что вряд ли.

– Привет, – сказал он, топчась на пороге. – Можно с тобой поговорить?

– Конечно, – торопилась ответить я. – Проходи, садись. Я показала рукой на кровать.

– Лучше на стул, – ответил Джонатан и уселся на стул, предварительно развернув его ко мне. Он засунул руки в карманы джинсов, вытянул ноги, скрестив голые ступни, и стал что-то рассматривать на полу.

Взяв телефон в руку, я подумала, что невежливо держать его в руках, и снова положила рядом с собой, поправила волосы и посмотрела на кумира молодежи. Даже если я и нервничала, то самую малость, просто я не могла терпеть этого напряженного молчания. Но в то же время эта долго тянувшаяся тишина давала возможность разглядеть Коула и запомнить все те мелочи, о которых потом я смогла бы вспоминать: легкий аромат свежести, исходивший от него, длинные ладони, напряженные вены, тянущиеся вдоль предплечий, и смешные пальцы на ногах. Запомнить, как он зачесывает назад волосы, как ухмыляется, как поднимаются уголки его губ, как он смотрит на меня, как он говорит...

Черт! Он что-то говорит? Да, он что-то говорит мне! Я совсем сошла с ума от этой близости и от того, что со мной происходит какая-то нереальная сказка.

– Что? – переспросила я, пытаюсь прийти в себя и часто моргая. – Я задумалась.

Джонатан вяло улыбнулся и приподнял бровь.

– Я поинтересовался, всего ли ты меня рассмотрела?

Смутившись, я опустила взгляд на телефон и погладила одеяло.

– Я... Я...

– Да брось. Ты смотрела на меня так, словно я картина Сальвадора Дали. Музейный экспонат, который вроде как реален и можно на него посмотреть... – он вздохнул. – Но руками трогать запрещено.

– Я... – я не могла связать и двух слов. Казалось, что сейчас я задохнусь от возмущения и стыда. Стараясь бороться со своими чувствами и пытаюсь избежать смущения, я закрыла ладонью глаза, выдохнула и смело взглянула на парня.

– Возможно, но... – Я не успела договорить, потому что Джонатан встал со стула, чем привел в замешательство, и, не сводя с меня глаз, направился ко мне. Я вжалась спиной в подушку и старалась бороться с сухостью во рту, можно было вести себя еще глупее, но я уже, кажется, и так заработала корону мисс «No comments». Он сел на кровать рядом и провел тыльной стороной ладони по моей щеке. Внутри что-то взорвалось, как конфета «Скитлс», а потом жаль, делая так, чтобы я чувствовала себя такой маленькой и незаметной. Я снова часто заморгала, теперь чтобы побороть желание заплакать, а моя щека полыхала в месте, где Натан прикоснулся ко мне.

– Видишь? – заговорил он, для него это прикосновение ничего не значило, и тон его голоса ни капельки не изменил-

ся. – Я реален. Я могу к тебе прикоснуться.

Я закивала, только вот ответить не могла ничего, слишком сильны были эмоции.

– Теперь твоя очередь. Прикоснись ко мне, – настаивал Джонатан. – Иначе я не смогу с тобой разговаривать, если ты все время будешь смотреть на меня, как добыча на охотника.

Я зажмурилась, боясь пошевелиться, и, не дождавшись моего ответа, он схватил мою ладонь и провел ею по своей щеке. Она была колючей и теплой, и мне не хотелось убирать руку. А еще легкий аромат, который одновременно и кружил голову, и освежал, и просто сводил с ума.

– Что? Колюсь? – улыбнулся он и вскинул брови, чем спугнул момент и заставил меня выдернуть ладонь. – Не брися сегодня.

Я смущенно опустила глаза, не решаясь заговорить, потому что боялась, что вдруг скажу то, что давно волнует меня и что может оттолкнуть Натана или изменить его решение со мной поговорить.

– Я обычный, поверь. Просто парень, который хочет поговорить.

«Да что со мной? – вдруг подумала я. – Веду себя как малолетняя кокетка! Человек пришел просто со мной поговорить, а я? Что я за идиотка такая? Все! Хватит!»

Его пальцы осторожно нашли мои, и наш контакт возобновился, он просто держал меня за руку. Держал осторожно, легко, словно тоже боялся сделать что-то не так.

– Потрогай меня, – еще раз попросил он.

– Я трогаю. – Мой голос произнес слова хрипло, словно я только что проснулась и довольно долго не разговаривала. Щеки вспыхнули с новой силой так, что я даже и не подозревала, что могу так краснеть.

– Теперь веришь, что я реален? Я Джонатан, обычный парень из Ноттинг-Хилла.

Я рассмеялась, как будто это было все равно, что он обычный парень из Подольска или Твери, а я никак не могла в это поверить. Мне стало смешно от того, что он не мог понять, как я себя чувствую. Но похоже, мой смех как раз стал тем сигналом, после которого парень сделал вывод:

– Что ж, теперь можно поговорить.

Он ответил мне мимолетной улыбкой, вставая с кровати, и направился назад к стулу. А я осталась сидеть на месте, ошеломленная всем, что сейчас произошло со мной. Я ничего не слышала и не видела, кроме этой комнаты и человека, который просто хотел поговорить.

«Так не бывает!» – стучало в голове.

– Я вернусь на стул, ты не против? – И он принял ту же самую позу, скрещивая ноги, будто немного закрываясь от меня.

– Да, то есть нет, то есть не против, – затараторила я и приложила руки к пылающим щекам, чтобы немного остыть.

Натан немного помолчал, потом поднял на меня глаза и, прищулив их, начал говорить:

– Я хотел поговорить о разлуке...

«Что за бред? О какой еще разлуке он со мной собирается разговаривать?» – озадаченно соображала я. Наверное, мое недоумение отразилось на лице, так что я не успела ничего сказать, как услышала продолжение фразы:

– О разлуке двух людей, – уверенно сказал он.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но поняла, что не знаю, что говорить на эту тему. Я вообще не знала, что сейчас говорить. И если всего несколько минут назад у меня были еще хоть призрачные иллюзии, для чего Джонатан пришел ко мне ночью, то теперь они разбились вдребезги. Да, я наивная девочка, которая мечтала, что парень, причем не просто с соседнего двора, влюбится в меня с первого взгляда, первой улыбки и первой моей глупости, а он всего лишь пришел со мной поговорить о разлуке. О разлуке двух людей, которые явно были не нами. Стоило отбросить все свои наивные надежды и просто его выслушать.

– И что ты хочешь об этом знать? – стараясь говорить ровно и не выдавать своего настроения, спросила я.

– Ты разлучалась с кем-нибудь? – Нервно подергивающиеся пальцы его ног не давали мне сосредоточиться, а насмешливый голос Надюхи так и напоминал: «Ох и попьет он твоей кровушки. Это тебе не простой парнишка из параллельного класса, которому ты можешь запудрить мозги и сбежать. Этот сам будет обводить вокруг пальца, а потом еще и сердце с корнем вырвет, чтобы жизнь медом не казалась».

Я прочистила горло и начала говорить, просто говорить, не думая о последствиях и рассматривая какую-то точку на покрывале:

– У меня был парень. Мы с ним дружили с девятого класса. С пятнадцати лет и...

– Твой бойфренд? – Не знаю, специально ли так сделал Джонатан, но мне пришлось встретиться с его заинтересованным взглядом. Черт! Я первой отвернулась.

– Да, что-то типа того, – пояснила я. – Мы вместе строили планы, вместе сбежали из провинциального городка после окончания школы. Вместе снимали квартиру в столице, он помогал мне с поступлением в институт, платил за съемную квартиру. Вроде бы все у нас было как у обычной влюбленной пары.

«И почему я ему все рассказываю?»

– Но? – вдруг перебил меня Натан.

– Что... но? – Я опять взглянула на него.

– Ведь было какое-то «но»?

– А? Да ты прав, было «но».

Я рассматривала Джонатана, он так внимательно слушал, что у него собрался морщинками лоб, а глаза заглядывали в самое сердце и искали в нем ответа. Что за взгляд? И почему этот парень со столь пронизательным взглядом хочет что-то знать обо мне? Почему он заставляет меня все рассказывать?

– А почему ты со мной вдруг решил обсудить этот вопрос? – занервничала я. – Почему не с Лиззи или Виктори-

ей? Почему не с друзьями?

Мой собеседник почесал затылок, вскинул от удивления или задумчивости брови, пожал плечами и, улыбнувшись краешком губ, начал говорить:

– Хочешь сменить тему? Или тебя на самом деле волнует, почему ты?

– Меня на самом деле волнует, почему я, – подтвердила я. – Ну и, возможно, пытаюсь сменить тему.

Натан рассмеялся в голос, но спустя несколько секунд стал опять задумчив, потирая переносицу. Потом сложил в замок на коленях руки и начал говорить, изучая длинные пальцы:

– Друзья уже все сказали по этому поводу, – он усмехнулся и провел рукой по волосам. – Мне нужен совет женщины.

– А Лиззи? – удивилась я.

– Лиззи сейчас очень занята подготовкой к концерту, Вики не хочу в это впутывать, собственно, как и маму. Надо беречь своих родных. Понимаешь? – Он грустно усмехнулся и посмотрел мне в глаза.

– Понимаю. И ты выбрал меня. С незнакомым человеком разговаривать легче?

– Начиталась Фрейда?

– А ты не читал?

Он соорудил забавную гримасу, сморщив нос. Чем ему не нравился Фрейд?

– Читал, – как-то обреченно ответил он. – Но ты все время

уходишь от темы.

– Я не уйду от темы, просто пытаюсь тебя понять. К тому же странно, что я рассказываю тебе все, когда ты сам молчишь и говоришь загадками.

– Эм... Ну...

– И еще. Меня удивляет, что такой, как ты... – на этих словах он прищурился и насторожился, но меня уже понесло: – Звезда, кумир молодежи, красавчик, тот, чье лицо на улице узнает каждый, ты вдруг решил поговорить с незнакомой девушкой и узнать ее совета или что?

– Возможно, в России я не так популярен, Стейси? – серьезно спросил он, и мое сердце остановилось на миг, а потом пустилось неровной походкой дальше.

– Стася, – хрипло исправила я. – И ты ошибаешься. Еще как популярен.

– Эм... Тогда...

– Тогда что? Извини, прощай? – Не знаю, что меня так задело, но я чувствовала, что разговариваю немного громче, чем обычно.

– Нет, просто... – потрясенно развел руками он. – Вот это экспрессия.

– Вот так. – Я опустила глаза на телефон, дисплей показывал сообщение, а часы одиннадцатый час. – Может, расскажешь, в чем реально дело?

– Хорошо, – немного помолчав, сказал он. – Моя история проста, и ты наверняка читала о ней в Сети.

Я подняла глаза и встретила с его изучающим взглядом. В этот раз первым отвернулся он.

– Разве это не хорошо спланированная пиар-кампания? – Я понимала, что затрагивала слишком щекотливую тему, но раз мы здесь вдвоем, разговариваем о личном, я решила, что могу говорить начистоту и спросить то, что меня всегда волновало.

– Понимаешь... – продолжал Джонатан, подбирая слова. Теперь он обеими руками зачесал волосы назад и, сцепив руки на затылке, откинулся на спинку стула. Глаза были направлены в потолок, что не давало мне шанса понять, реальную историю он рассказывает или нет. – Это все очень сложно.

– Если бы было легко, ты, наверное, не пришел бы с разговором? – настороженно задала вопрос я. – Но я здесь, а ты говоришь загадками.

– Я вообще не уверен, правильно ли сделал, что обратился к тебе.

Он встал и прошелся вдоль кровати, все время поправляя непослушные волосы.

– Мне показалось, что я могу тебе доверять. Ты помогла маме, и Лиззи говорила, что ты хороший человек. Но теперь я не уверен.

Эти слова заставили меня вскочить и быть с ним на одном уровне, хотя я все равно была ниже его ростом, но так хотя бы не чувствовала себя ничтожной.

– Не уверен в чем? В том, что я могу побежать и растрепать этот рассказ в социальных сетях? Да кто мне поверит?

– Почему нет? – совершенно искренне удивился он.

– Чем я смогу все это доказать? – объяснила я. – Ах да. У меня есть протокол, точнее, копия документа, в котором мои показания и фамилия твоей мамы. Сколько Коулов живет в Англии? Думаю, много. И я не делала фото с твоей сестрой и мамой, с тобой и Скарлетт я тоже не решилась фотографироваться. Так чем же я могу козырнуть? Просто взять и написать: а знаете, я его видела? О! И да, он просил меня прикоснуться к нему!

Он как-то обреченно усмехнулся, а я немного помолчала, решая, чем бы еще себя защитить.

– Я не собираюсь писать о вас. Это как бы неэтично, если тебе знакомо такое слово.

– Ух ты! – В его голосе было достаточно сарказма, чтобы я еще раз попыталась себя оправдать.

– Что?!

– Да ты, кажется, не такая уж и глупышка, – в том же духе продолжал он.

– Знаешь что?

– Что? – Он затолкал руки в карманы джинсов и посмотрел мне прямо в глаза.

– Знаю я вашу историю. Твоя сестра мне все рассказала.

Джонатан резко развернулся и выругался. Из того, что я слышала и разобрала, было только что-то про то, зачем она

это сделала. Повисла одна из тех долгих молчаливых пауз, которые я так ненавидела в разговоре, когда никто не может дальше заговорить и не знает, что делать. Парень стоял ко мне спиной, а я оказалась возле стула, и самое удачное, что придумала, – присесть на него.

– Хорошо. – Он повернулся ко мне и заговорил первым: – И что ты думаешь? Раз уж ты так хорошо осведомлена, хотелось бы знать твое мнение.

Он хотел знать мое мнение. А все, что хотела я, – забыть весь этот бред, что рассказала мне как-то Лиззи, потому что эта история разбивала мне сердце. Одно дело – это читать истории писак о том, что актер, который тебе нравится, встречается с партнершей по фильму, а другое – слышать что-то, подтверждающее это, из уст его сестры. Может быть, именно эти факты и останавливали меня от поездки на концерт, а не нехватка денег на билет. Я думала обо всем этом и молчала, потому что могла сказать, что он должен сделать первый шаг, и будет им счастье, а могла сказать, что все это полный бред, и тогда каждый пойдет своей дорогой. Чушь какая.

– Я считаю, ты не хочешь съезжаться со Скарлетт, потому что не уверен в том, что это то, что тебе нужно, – ответила я.

– С чего так подумала? – Он прислонился спиной к стене и старался сохранять расстояние. Это ужасно бесило, потому что заставляло делать выводы, от которых я сама себя ненавидела.

– Просто мне легко это понять. Я же говорила, что мы с

парнем долгое время жили вместе. Заботились друг о друге, нам было комфортно вдвоем, весело. Но, как ты сказал, было «но».

Он взглянул на меня, но тут же его взгляд поймал что-то на покрывале, и он слушал, не смотря мне в глаза.

– Понимаешь, я ценила в нем друга, которым он был для меня. Но мне казалось, что это не тот человек, с которым я бы хотела провести всю жизнь. Я думала, что если я с ним останусь, то потеряю что-то главное в своей жизни. Что пропущу что-то или кого-то.

Теперь Джонатан смотрел на меня пристально и внимательно, что не было шанса скрыться от этих глаз, что-то спрятать и оставить для себя. Казалось, он понимал, о чем я говорю.

– Ты права. Это такое точное описание моих чувств, что я не знаю, что сказать.

– Да тут и не надо ничего говорить. Я тоже не знаю, что тебе сказать. Это твоя жизнь. Ты сам должен решить, что для тебя важнее. Твое душевное спокойствие или спокойствие человека, которого ты приручил. Помнишь у Экзюпери?

– «Мы в ответе за тех, кого приручили», – обреченно процитировал он.

– Ну да, – со вздохом произнесла я.

– И как поступила ты? – Натан присел на кровать и немного успокоился. Морщинки на лбу расправились, руки опустились на колени, а в глазах появилось привычное тепло.

Не было никакой настороженности, что давало уверенность продолжить разговор.

– И я ушла.

Он поднял брови и наклонил голову. Удивился? И что тут удивительного? Ведь я ушла из-за тебя, но ты никогда об этом не узнаешь, потому что и не надо об этом знать.

– Я не уверен, что я... – почесал затылок Джонатан.

– А я и не говорила, что тебе надо сделать то же самое. Просто у меня было достаточно времени, чтобы решиться на этот шаг.

– Да... – задумчиво произнес он.

– Джонатан... – Его имя вырвалось из меня с таким чувством, что я невольно посмотрела на реакцию парня, который внимательно слушал меня. – ...зря ты обсуждаешь это со мной, а не с родными или друзьями. Они знают тебя лучше, любят тебя, знают вас и... Я вообще не имею права тебе что-то советовать, потому что...

Мне вдруг захотелось сказать ему, почему я здесь, зачем говорю с ним, почему мне хотелось приехать в Лондон. Мне хотелось рассказать ему, какой он хороший, да просто открыть глаза и рассказать, какой он. И я готова была, пока он не остановил:

– Я понял тебя. Спасибо, – выдохнул он. И я, если честно, тоже поняла, что все остальное лишнее. – Спасибо, что не раздула скандал и помогла маме. Семья для меня многое значит.

– Да. – Я улыбнулась. Все так логично в его словах и никакой чувственной подоплеки, в отличие от меня. В горле опять образовался комок. – Еще не совсем, но в этот раз, наверное, все решится.

– Конечно, так и будет, – закивал он. – Хочешь, я расскажу, что говорит о тебе мама?

Я пожала плечами.

– Расскажи, если хочешь, – равнодушно ответила я. Мне бы было куда интересней узнать, что думаешь ты обо мне. – Ты не против, если я прилягу?

– Нет, конечно. Может, мне уйти? Я и так достаточно времени у тебя отнял.

– Нет, – запротестовала я, испугавшись, что это, возможно, последний и единственный наш такой искренний разговор. Мне хотелось продлить отмеренное нам время, хотелось слушать его, ощущать, что он рядом и что его интересует то, что я думаю.

Я перебралась на кровать, взяла подушку, обняла ее и легла, вытянув ноги. Голос Джонатана был такой глубокий и низкий, такой знакомый и родной, похожий на музыку, которая успокаивает и убаюкивает одновременно.

– Мама говорит, – начал Натан, – что ты похожа на одну из сказочных героинь и...

Слова начали терять смысл, веки сомкнулись, а я так и не узнала, на кого больше похожа – на жертвующую собой Русалочку или спрятанную от чужих глаз Рапунцель. Одно я

могла знать наверняка, что сказки случаются только во сне, где принц никогда не попросит у тебя совета, как ему быть со своей девушкой. Где он просто притянет тебя к себе и оставит нежные поцелуи за ушком. Но это был всего лишь сон.

Глава 9

А вы знаете, как делать ангелочков?

*Невозможно поцеловать девушку неожиданно,
но можно поцеловать ее быстрее, чем она
ожидает.*

Автор неизвестен

Сны бывают разными. В некоторые ты проваливаешься, как в мягкую пену, из которой не хочется выбираться, а некоторые сжимают в тиски холодными щупальцами осьминога, от которого хочется убежать и не возвращаться. Странно, но в этом холодном городе туманов и дождей мне снились только теплые и волшебные сны, именно такие, из которых ты долго не хочешь освободиться и еще некоторое время паришь между сном и явью. Хочется ухватиться за эти нереальные картинки и остаться ненадолго в них, потому что иногда реальность настолько суха и враждебна в своей повседневной жизни, что просыпаться лень. Но вот беда, когда кто-то настойчиво хочет, чтобы ты ответила на телефонный звонок, когда из динамиков орут во всю мощь Museco своими «Madness», хочешь не хочешь, а приходится открыть глаза и ответить.

– Да, – прохрипела я сонно в трубку.

– Привет, милая. Не разбудила? – Это была Лиззи. Хоте-

лось закричать, что я все еще сплю и отключиться, но совесть не позволила отфутболить ее в день концерта.

– Нет, не разбудила, – откашлявшись, убедила ее я. – Давно встала, бодра и весела.

– Вот и классно. Собирайся и приезжай, мне нужна помощница.

– Лиззи, я сказала, что проснулась. Но еще не умылась и не съела свой инглиш брекфест, – язвительно заметила я.

– Ничего. Я напою тебя кофе. – Ее настойчивости не было предела. – Пожалуйста, приезжай скорее, я не могу решить, какое платье надеть на выступление. Мама обещала, что отвезет тебя сразу, как ты проснешься.

– А более компетентной в этих вопросах подруги у тебя нет? – хотелось попробовать отсрочить свою участь.

– Нет. Все мои подруги ужасные шопоголики. Они предлагают наряды только от известных кутюрье. А мне это не подходит, я хочу что-нибудь винтажное и старомодное, – щелкала Лиззи.

– Хорошо-хорошо. Только ты должна знать, что я в этом совершенно ничего не понимаю. – Я начинала сдавать свои позиции.

– Просто приезжай. И помоги выбрать. Ну, пожалуйста! Научите меня отказывать, я совершенно не умею говорить «нет».

– О'кей. Я только...

– Жду тебя! – В трубке раздавались противные гудки. Она

опять добилаь своего, а мне оставалось только всплеснуть руками.

Откинувшись на подушку и не желая вставать, я предавалась мыслям, которые были далеки от Лиззи и ее проблем. Я спала под покрывалом, а это значило, что Натан меня укрыв, что... Да, скорее всего, это ничего не значило, а точнее для него ничего, а для меня целое событие, потому что я отлично могу придумывать то, чего на самом деле не происходило. Сейчас бы за такой мудрый вывод моя подружка вручила бы мне медаль и сказала, что я наконец образумилась и мне пора возвращаться к своей обычной жизни, чего совсем не хотелось. Возможно, я и сбежала из заснеженной Москвы только потому, что там у меня была обычная жизнь, которая в последнее время преподнесла слишком много неожиданных и неприятных сюрпризов, которые заставляли двигаться в противоположном от них направлении. Но вот Надежде я могла бы позвонить, могла, но не хотела, из-за того что знала, она снова начнет меня учить, взрывая мозг и предостерегая от безумств. А когда же их совершать, если не сейчас?

Прогоняя грустные мысли, я вылезла из кровати, приняла душ и спустилась в кухню, полностью готовая и к показу мод от моей лондонской подружки, и к ее концерту. Джинсы и футболка, конечно, не от-кутюр, а, скорее, «винтаж», причем «вери вери винтаж», который можно найти только в скромных московских магазинах, называющихся «Смешные цены», что уж говорить о том, что там и одежда по-

рой продавалась такая же. Но мой скромный доход не позволял заскочить даже в не очень кусачий H&M. Хотя на плечи пришлось накинуть кардиган именно этой марки, чтобы прикрыть слишком кричащую надпись, выбитую на маечке. Можно было выбрать что-то другое, но я думала, что кое-кому она может прийтись по вкусу.

Клер ждала меня в кухне, она приготовила завтрак и обещала Лиззи привезти меня для пытки нарядами.

– Доброе утро, – хотелось быть вежливой как «милые британши». – Я готова.

– Доброе утро, завтрак на столе. Поешь, – строго сказала она. – Лиззи не спасут какие-то десять минут. А твой желудок спасут.

– Хорошо, – согласилась я, потому что действительно очень проголодалась.

Мама Джонатана пила что-то из красивой чашки, смотря в окно, и хмурилась. Меня это немного расстроило, но я принялась за завтрак. Мне подали глазунью с какими-то поджаренными пластинками, на вкус они походили на бекон, только пересушенный и жесткий.

– А где же овсянка? – пыталась пошутить я.

Клер улыбнулась, и черты ее лица расправились.

– Ты думаешь, что все англичане лопают овсянку и болтают о погоде? Хотя... – Она стушевалась. – Сегодня на завтрак инглиш брекфест: глазунья, бекон и фасоль. А погода просто отвратительная, всю ночь и утро идет снег, на доро-

гах пробки.

– Да? – Я встала и выглянула в окно. – Сказочно.

– Да, большая редкость для Лондона, – подтвердила мои слова Клер. – Снег... И пробки на дорогах.

А еще говорят, что у нас в России проблемы с дорогами. Вот в моем маленьком городке, откуда я родом, никогда не бывает пробок. Хотя, надо сказать, что и машин там не так много, как в мегаполисах. А снег я любила, особенно такой, что шел за окном: большие хлопья, они выглядят как пух, мягкий и нежный.

– Если не хочешь есть яйца, могу предложить йогурт или хлопья.

– Нет, все очень вкусно, – с набитым ртом, еле проговаривая слова, ответила я. Еда и правда была вкусной, мне, конечно, неизвестны кулинарные секреты англичан, но и глазунья, и поджаренный бекон, и фасоль исчезали из моей тарелки.

– Тогда приятного аппетита, – пожелала миссис Коул. – Я пока переоденусь.

Клер скрылась в дверях, а я быстренько доела глазунью и стала пить кофе, который мама Джонатана, побеспокоившись, уже налила мне в чашку и поставила на стол. Здесь же в центре стола стояла ваза со сдобой, наполненная интересными и вкусными рогаликами. Я уплела целых три. Когда я доедала последний, вошла Клер.

– Это любимые рогалики Джонатана, кстати, – заметила

она между прочим, чем чуть не заставила меня лишиться чувств от того, что я обделила бедного мальчика. Пришлось запить не проглатывающийся кусок кофе, потому что остатки захотелось положить назад.

– О, прости. Ешь, конечно, я куплю ему свежих, – заметив мою реакцию, забеспокоилась она.

Слава небесам, а то уж я думала, что отняла у своего «любимого» завтрак.

– А он... – Я хотела спросить «где», но она поняла меня без слов.

– Джонатан рано утром направился на съемки, в пригород Лондона. Они снимают где-то в старых замках, – сказала она и присела за стол, улыбаясь мне.

«Здорово! Вот бы попасть на площадку», – подумала я, допивая кофе, аромат которого бодрил и помогал настроиться на изменение часовых поясов.

– Сын не любит, когда кто-то из близких или знакомых следит за съемками. Говорит, это его смущает, – по-моему, все мои мысли написаны у меня на лице. Иначе как объяснить то, что все постоянно отвечают на мои произнесенные вопросы.

– Понятно, – пробормотала я, опуская взгляд в пустую чашку.

– Посуду положи в посудомоечную машину. Я мою вечером все, что накопилось за день, – дала указания Клер и встала из-за стола. – Потом собирайся, я буду ждать тебя на ули-

це. Надо почистить и погреть машину.

Она направилась в холл, но опять вернулась.

– Не забудь ключи, закрой, пожалуйста, дом.

– О'кей, – кивнула я.

Пока убирала за собой со стола, услышала, как хлопнула входная дверь, и дом затих. А снег все падал, я видела в окно эти легкие хлопья, ощущая, что именно этот снег и должен принести в мою жизнь сказку. Хотя какая может быть сказка после того, что я увидела в зеркале, когда надела пальто, намотала шарф и натянула шапку, превращая себя в медведя. Не хватало балалайки, ведь именно так про нас и думают иностранцы, раз мы про них думаем, что они питаются одной овсянкой. Махнув на себя рукой, все равно Джонатана мне сегодня встретить не обламывалось, я вышла на улицу и закрыла на ключ «замок принца». Воздух пах кристальной свежестью и заведенной машиной Клер.

– Садись, – сказала она мне. – Сейчас поедem.

Я забралась в то самое «Пежо», и примерно через тридцать минут мы остановились у дома Лиззи. Из-за снегопада нас задерживали пробки на улицах, но всю дорогу мы предпочитали молчать, хотя меня очень сильно распирали вопросы, скопившиеся за ночь, о Джонатане, а телефон терзали сообщения от ожидавшей меня подруги. Клер сказала, что не станет подниматься, и будет лучше, если они с Лиззи увидятся вечером. Станные они, эти «милые бритиши», или слишком продуманные.

Дверь квартиры открыл Брендон.

– Хорошо провести время, – улыбаясь во все зубы, съязвил он. Вот это я понимаю – английский юмор.

– Спасибо, – бросила я ему вслед. Потому что его цокающие по ступенькам боты уже слышались где-то далеко внизу.

Страхнув снег с шапки и шарфа, я вошла в квартиру, разделась и направилась на голос Лиззи, которая кричала, что ждет меня в спальне. Хотя при слове «спальня» сразу представляется что-то маленькое и уютное, при виде спальни сестры Джонатана я просто лишилась дара речи и пыталась мысленно решить вопрос, больше в ней было квадратных метров, чем в нашей с бывшим съемной квартире, или чуточку поменьше. Слева от меня на сквер выходило высокое английское окно, не завешенное персиковыми шторами, подвязанными шнурком с кистями. Слева же от входа в комнату располагался туалетный столик с большим овальным зеркалом, на полочках столика стояли всякие баночки и пузыречки (хотелось заметить, что кто-то называл своих подруг шопоголиками). Справа приоткрывалась дверь в гардеробную комнату, а в центре красовалась огромная кровать размера king size, заваленная всевозможными платьями, брючками и деталями гардероба неизвестного названия. На этой кровати можно было уместить всю мою семью, состоящую из семи человек, хотя, наверное, и наша овчарка с двумя котами поместились бы тоже.

– Привет, – поздоровалась я. – Как ты?

– Привет, я хорошо. Ну, что? – показала Лиззи на кровать. – Ты готова?

– Да, – обреченно ответила я, хотя даже не представляла, к чему я должна была быть готова.

– Тогда приступим! – обрадовалась она, протягивая мне бокал красного вина и хватая одно из платьев.

Я плюхнулась на кровать и предложила ей включить Roy Orbison «Pretty women», как в кинофильме «Красотка», когда Вивьен примеряет новые платья, а продавцы бегают вокруг нее. Но сестренка Коула сказала, что такой композиции у нее нет, поэтому она включила Fergie «Label or love», и мы обе расхохотались, когда из колонок послышались звуки песни из сериала «Секс в большом городе»:

Shopping for labels, shopping for love
Покупаю ради лейблов, покупаю для любви.
Manolo and Louis, it's all I'm thinking of
Все мои мысли о Manolo и Louis.
Shopping for labels, shopping for love
Покупаю ради лейблов, покупаю для любви.
Manolo and Louis, it's all I'm thinking of
Manolo и Louis – думаю только о них.

Примерив платье сиреневого оттенка с открытыми плечами и волнистой юбкой, она покружилась передо мной под звуки музыки, на что я скорчила недовольную гримасу.

– Нет? – спросила она, но я не расслышала из-за громкой

музыки, пришлось подойти и убавить звук.

Сестра Джонатана рассматривала себя в большом, во весь рост, зеркале, а я стояла рядом и боролась с желанием сказать ей о том, кто вчера поздно вечером приходил со мной поговорить. И еще я не понимала, почему она позвала меня, малознакомого человека, а не своих подружек.

– Лиззи, – я подбирала слова, чтобы не задеть ее чувства, но выходило, что лучше спросить напрямую:

– Почему ты не позвала одну из своих подруг?

– Я же сказала тебе, что они... – Она обернулась, и наши глаза встретились.

– А на самом деле? – виновато спросила я.

Проигнорировав мой вопрос, девушка обошла меня и направилась к туалетному столику, где стояли бутылка вина и второй бокал. Плеснув себе, она тут же выпила содержимое до дна, улыбнулась мне и нехотя начала объяснять:

– Все очень сложно, – как же эта семья любила все усложнять. – Знаешь, мне легче спросить совета у тебя, мне действительно нужен совет.

Я тоже сделала глоток вина, потому что пока ничего убедительного и честного она мне не сказала.

– Я понимаю твое удивление и то, что ты чувствуешь себя немного не в своей тарелке, но и я тоже не чувствую себя спокойно. Понимаешь... – Она подошла к окну и замолчала, сложив руки на груди, а потом снова повернулась ко мне так же неожиданно и заговорила: – Понимаешь, я никому не

могу доверять из-за брата. Одно лишнее слово, и тут же что-то появляется в Сети, его это очень расстраивает. Да и меня, собственно, тоже. Мы все дорожим семейными узами, это наше убежище, наш дом – семья. А когда кто-то начинает упоминать наше имя только для того, чтобы собрать больше подписок в Фейсбуке или заполучить минуту славы на телевидении...

– Я понимаю, – попыталась успокоить ее я. – Но ведь я тоже могу.

– Можешь, но пока ничего такого не было. К тому же первое, что ты спросила, как у меня дела, а не какого цвета у Джонатана глаза и какой зубной пастой он предпочитает чистить зубы. А это, знаешь ли, утомительно выслушивать, какой он красавец и сексуальный жеребец, ведь он вообще-то мой брат. И если красавца я могу в нем увидеть и даже гордиться этим, то о втором предпочитаю не думать.

Я тут же прикусила язык.

– Понимаешь, это происходит каждый раз. Все эти вопросы, они расстраивают, сводят на нет общение, которое кажется тебе бессмысленным, поэтому в последнее время круг моих друзей сузился до группы, в которой я пою, но там одни мужчины, а мне бы хотелось знать мнение женщины. А всех подружек-женщин я отправила в бан, осталась только ты.

– А мама? – вдруг вырвалось у меня.

– О, у нас слишком разные вкусы. – Она неопределенно взмахнула рукой. – А Виктория слишком занята, чтобы от-

влекать ее на такие глупости.

Я немного задумалась, сопоставляя все факты, ведь я тоже могла спрашивать, даже собиралась. Лиззи прекрасно знала, кто я, но хотелось верить, что весь ее рассказ правда.

– Я очень рада, что ты согласилась, – вырвала она меня из размышлений. – Хорошо, что ты у меня есть.

«Да, хорошо, что я у нее есть. А когда меня не будет, меня просто не будет», – подумала я, но так оно и было.

Сестра Коула удивляла своей энергичностью. Вскочив с кровати, она подошла и порывисто обняла меня, я обняла ее в ответ.

– Спасибо, – улыбнулась Лиззи, ослабляя объятия. – Это очень важно для меня.

– Рада помочь, – отвечая ей, я тоже улыбнулась. – Давай продолжать?

– Угу, – кивнула она в ответ и скрылась в гардеробной.

Лиззи меня пожалела и примерила только пять комплектов из всей кучи, разбросанной по кровати. Мы выбрали черные атласные брюки, зауженные и укороченные, они открывали щиколотки и делали образ именно винтажным. Блузку выбрали белую, дополнив жилетом из денима. На мой взгляд, мы воплотили в образе все, что так хотела Лиззи. И конечно же, парикмахер и визажист все это подчеркнули и приукрасили. Мне от них тоже досталось, хотя прическа, которую мне сделали, выглядела мило, крупные локоны делали мое лицо невинным и симпатичным, а челка придавала мне

именно образ «необычной русской души». Я посмеялась про себя, а Лиззи сказала, что я просто красотка. Угу, как из одноименного фильма, у нее тоже прикид был «вери вери винтаж», когда возле нее остановился принц на крутой тачке.

В клуб, где организовывался концерт Лиззи, мы приехали к половине седьмого, ночная жизнь начинала заманивать город в свои сети, воздух пах адреналином, и хотелось совершать глупости, о которых я размышляла с утра. Охрана и администратор клуба проводили нас в гримерку, до выступления оставался час, и Лиззи нервно ругалась с кем-то по телефону, сначала в соседней гримерке, а потом и в нашей с каким-то парнем с гитарой. Я решила оставить ее одну, чтобы она сконцентрировалась на выступлении, последнее, чего бы я желала, – это стать тем, на ком она еще может сорваться, находясь в таком возбужденном состоянии. Об этом, я думаю, знали все, кто сегодня общался со мной, поэтому Клер и не отваживалась видаться с ней до концерта. И наверное, в этом-то и заключалась шутка Брендона. Милые брители, что тут скажешь.

Я вышла в зал, и первым, кто мне встретился, стал Брендон, он махнул рукой, и я кивнула в ответ, начиная пробираться сквозь толпу любителей живой музыки, которые собрались сегодня в этом клубе. Он сидел за столиком возле сцены, и я опустилась на соседний стул. Рядом, за другим столиком, сидели Клер, Ричард и Виктория. Джонатан отсутствовал, а говорил, что собирается посетить концерт. Я за-

грустила, потому что сегодня вообще его не видела. И это болезненное чувство, когда ты долго не видишь объект своих мечтаний, заставляло нервно оборачиваться в ожидании и ерзать на стуле. Я совершенно не обращала внимания на группу, которая сейчас выступала на сцене. А мелодия звучала приятно, и слова, которые теперь я пыталась перевести, задевали нужные струны души.

– Привет, – прошептал низкий голос мне в ухо, когда я этого совсем не ожидала. Можно было не оборачиваться, я и так поняла, что это он, но все же хотелось поймать его взгляд и определить по нему, не думал ли он обо мне. О том, что все это так наивно и глупо, я предпочитала не вспоминать.

– Привет, – развернувшись, ответила я, разглядывая в темноте облик Натана.

– Еле успел. Везде ужасные пробки. – Он снял темные очки и кепку и положил их на стол. Потом зачесал руками волосы назад и огляделся по сторонам. Я продолжала смотреть на него и улыбаться.

– А вы как доехали? Вас не занесло снегом?

«Опомнись, – говорила я себе. – Неприлично так пристально смотреть на него и так глупо улыбаться».

– Нормально. – Я опустила глаза и повернулась к сцене. Мне стало жарко от того, что я чувствовала его у себя за спиной. Он о чем-то говорил с Бренденом, а потом к ним присоединился еще один мужской голос, которого я не знала. От

духоты кружилась голова, а может быть, и от чего-то другого, поэтому я сняла кардиган и положила его себе на колени.

Наконец на сцене появилась Лиззи. Она подошла к микрофону и стала поправлять стойку, микрофон в это время издал чудовищный звук, напоминающий писк тысячи мышей, из-за которого все съежились, а кто-то даже заткнул уши. Одна компания возмущалась больше всех, а по сестренке Коула было видно, что она сейчас свалится в обморок или расплачется, потому что все получается не так идеально, как она себе представляла.

Вспомнилось то, как моя старшая сестра выступала в городском доме творчества и как мы ее поддерживали. И мне пришла идея, опять! Я вставила два указательных пальца себе в рот и свистнула изо всех сил. В зале наступила гробовая тишина.

– Абигейл, давай! Мы с тобой! – крикнула я, называя Лиззи сценическим псевдонимом.

Клер тоже встала и, по-рокерски сложив пальцы, крикнула:

– Давай, детка! Покажи им!

Лиззи заулыбалась и начала петь. Когда она исполняла песню, весь ее страх исчез, а голос заворожил всех. Дальше все продолжалось ошеломляюще: море оваций, соло гитариста, представление всех музыкантов группы и заключительная песня, волшебная и романтическая.

На Джонатана я во время выступления не смотрела, даже

боялась повернуться после своей выходки. Но меня грело то, что я помогла сегодня его сестре, помогла от чистого сердца.

После выступления все направились за кулисы, Клер неожиданно обняла меня и поблагодарила за поддержку, чем смутила необычайно. Лиззи все поздравляли с ее успехом, концерт прошел замечательно. И говорили, что в зале сидел музыкальный агент, который предложил записать альбом. Для нее, я знала, это являлось лучшим подтверждением ее таланта, потому что она ужас как не хотела подниматься за счет популярности брата, даже сценический псевдоним взяла.

В гримерке все толкались, стояли шум и суета, и я, найдя укромный уголок у окна, затерялась там и тихонько смотрела на всех. Джонатан появился в сопровождении какого-то парня, они оба обняли Лиззи и вручили ей огромный букет английских роз. Я рассматривала его, подмечая каждую деталь: как он разговаривает с сестрой, локон, выбившийся из-под кепки, его ухмылка. Но больше всего меня интересовал он сам, в общей картине, я должна была знать, значил ли для него еще что-то вчерашний разговор, или это я придавала ему слишком много значения. Внезапно я поймала его взгляд на себе, но он тут же отвернулся, а мое сердце уже пустилось вскачь. Опять посмотрел. И опять отвернулся к собеседнику... Я опустила голову, но через секунду увидела перед собой голое колено в дырке на джинсах.

Подняв взгляд, я встретила с серьезным выражением

глаз Джонатана.

– Можно с тобой поговорить? – поинтересовался он.

– Конечно, – я встала со стула, чтобы быть приблизительно-но наравне с ним.

Он наклонился ближе ко мне и стал говорить прямо в ухо.

– Скажи Лиззи и Брендону, что увидимся в нашем любимом пабе. Они знают, где это. А я избавлюсь от назойливых фотографов и тоже приеду.

Его губы касались моих волос, по спине и рукам побежали мурашки, тут уж было не до изучения его реакции на наш вчерашний разговор. Мне хотелось продлить этот миг, всего лишь стоило обнять его и притянуть ближе. Испугавшись пришедшей в голову идеи, я хотела сделать шаг назад, но тут кто-то толкнул Джонатана в спину. Не удержав равновесия, он завалился на меня, касаясь щекой моей щеки. Мы отпрянули друг от друга, быстро встретились глазами и отвернулись, разглядывая что-то в гримерке. Первой опомнилась я и, заморгав, пробормотала:

– О'кей. Мы все сделаем, как ты просишь...

– Ну... Я пойду...

– Да...

Его спина медленно удалялась, он протискивался между музыкантами и немногочисленными друзьями Лиззи, которые присутствовали на концерте. Я загадала: «Если он сейчас обернется, то наша встреча с ним не случайна». В эту же секунду Джонатан повернулся и криво усмехнулся, серд-

це пропустило удар, щеки запылали, а я опустила глаза, рассматривая мыски сапог.

* * *

Через час мы сидели в пабе в Ноттинг-Хилле: я, Лиззи и Брендон. Неяркое освещение и угловой столик делали нас незаметными. В пабе пахло пивом и снеками, а еще счастьем Лиззи, ее успехом и их любовью с Брендоном. И пусть они старались держаться приличий и не проявлять чувства на людях, их взгляды говорили сами за себя. Он ею гордился и любил.

– Спасибо, что поддержала меня, – толкнула меня в бок Лиззи. – Твоя майка просто класс.

Мы рассмеялись, давась пивом. Парень поднял большие пальцы и тоже засмеялся. Принт на футболке явно всем пришелся по вкусу. Средний палец и надпись Fukingshoubiz кого хочешь могли развеселить и поднять настроение.

– Да уж... – только и сказала я. Сейчас мне хотелось просто напиться, словно это я отпахала целый концерт на сцене.

В пабе играли The Cranberries, под их Zombie я попрощалась с девичеством; не очень радужные воспоминания, о которых не стоило сейчас думать, но песня ненавязчиво портила настроение. Сделав еще глоток лагеря, я обернулась на дверь. Ожидание – это худшее ощущение, которое можно только придумать, но если оно оправдывается, то счастьем

нет предела.

Не успела я отвернуться, как дверь распахнулась и в паб шагнули два парня. Оба в джинсах и худи, капюшоны были накинuty на их головы и закрывали лица, они смеялись в голос и направлялись к нам.

– Натан! – окликнула их Лиз и махнула рукой. Подойдя к столику, парень неуклюже заключил в объятия сестру и что-то заговорил ей на ухо. В ответ она взяла в ладони его лицо и расцеловала.

– Фу, что за слюнявые нежности, – оживился второй парень. – Брендон, они тебя не смущают?

– Заткнись, – пробурчал Джонатан и легонько шлепнул парня по затылку, потом скинул капюшон и сел за стол.

– Классное выступление! А, Лиззи? – Второй парень тоже сбросил капюшон и приземлился на стул рядом со мной. Его улыбка была такой же милой, как и у Джонатана, да и сам он выглядел как модель модного журнала.

– Да, ничего, – она просто светилась в ответ.

– Не скромничай, – вставила слово я, и все обратили на меня внимание.

Парень, сидевший рядом, улыбнулся и подмигнул:

– Классная футболка. Подаришь?

– Что? – опустив глаза, я вспомнила, что расстегнула кардиган, и надпись светилась стразами.

– Ну уж нет, Том, – запротестовал Натан. – Она должна принадлежать мне.

Двузначность фразы удивила не только меня, Брендон даже присвистнул.

– Я хотел сказать, что надпись декламирует мое отношение к шоубизу, поэтому майка должна принадлежать мне. – Он улыбнулся и заговорщически подмигнул.

– Ладно, старик, не оправдывайся. Мы и так все поняли. – Том похлопал его по плечу.

– Я никому ее не подарю. Мне она самой нравится, – примирительно отрезала я, чтобы закончить этот спор.

– Натан, что это за чудо? – заинтересовался парень рядом, откидывая длинную челку и рассматривая меня без стеснения. – Эта та знакомая Лиззи с красивыми пальцами на ногах?

Я залилась краской, и мне хотелось провалиться сквозь землю, когда этот нахал стал вырисовывать круги руками в районе груди, говоря про пальцы ног. Хорошо, что освещение в пабе было неярым и мое смущение скрывал полумрак.

Разные мысли зашевелились в голове, прогоняя хорошее настроение. Неужели Джонатан все-таки рассмотрел мою грудь в тот первый раз? Интересно, что он обсуждал с этим Томом? Зачем он вообще это делал?

– Том, это Стася. Она из России, – представила меня Лиззи.

– Том Страуд, – представился парень, поворачиваясь ко мне и протягивая руку.

– Настя Щербакова, – ответила я и пожала прохладную

ладонь, которая долго не хотела отпускать мою, пока я боролась со стыдом и злостью, которая, кажется, возвращала меня из мира грез.

«А я тебе говорила» – вспомнились Надины слова.

– Я очарован, – нахально произнес новый знакомый и широко улыбнулся, пытаясь меня вывести из задумчивости.

– Рада знакомству, – на автомате ответила я, представляя в этот момент, как Джонатан рассказывает о глупой девушке, пробравшейся к нему ночью в комнату. Представила, как он смеется надо мной и корчит рожи. Сказка о прекрасном принце таяла с каждым представленным эпизодом.

Я незаметно перевела взгляд на Коула, он делал вид, что ничего не произошло. Собственно, для него, скорее всего, в этом не было ничего странного, но он мог бы просто вступить за меня. Или не мог... Возможно, мне и нужна была такая ситуация, где бы я смогла посмотреть на Джонатана с другой стороны, но это причиняло боль.

Разглядывая предмет своей симпатии и раздумывая обо всем этом, я, наверное, проделала в нем дыру взглядом, потому что парень, не оборачиваясь, встал и направился к бару. Лиззи ничего не замечала и продолжала потягивать пиво. Чтобы не быть обидчивой букой, я тоже старалась веселиться, делая вид, что я не из таких, но осадочек уже копился где-то глубоко внутри.

Незаметно все так быстро успели набраться, что я даже не смогла сосчитать, сколько заказывали стаутов и лагеров,

на третьем счет им закончился. Том сидел со мной рядом и все время шутил, а Натан поднимал тост за его шутки, его сестра болтала всякие глупости и смеялась просто так. И даже невозмутимый Брендон иногда хохотал в голос. Этот парень, друг Коула, оказался просто отличным юмористом, который в данном случае являлся, скорее, клеем, притягивающим друг к другу несовместимую компанию. Он веселил так, что я к концу вечера успела забыть, на что злилась и обижалась. Мне просто было хорошо.

Пару раз к нам подходили поклонники Джонатана, и он фоткался с ними и раздавал автографы, но в основном никто к нам не приставал. Любопытные осторожно посматривали на то, как отдыхает после трудовых будней звезда киноэкрана, и исподтишка фотографировали его на мобильники. Иногда я вспоминала, с кем сижу за одним столиком, и замечала то, как он неуютно чувствует себя на публике, стараясь играть компанейского парня. И чувства, которые при этом я испытывала, не особенно мне нравились. Они заставляли думать о том, что Коул просто актер. Актер всегда и везде.

Во втором часу ночи Брендон вызвал такси, мы, и так злоупотребив гостеприимством паба, который работал до последнего посетителя, решили расходиться по домам. Выйдя наружу, я сделала глубокий вздох, чувствуя морозный лондонский воздух, голова немного прояснилась, но шутник Том не давал прийти в себя. И только тогда, когда мы сели в такси, а новый знакомый отказался с нами ехать, ссылаясь на

то, что ему все равно в другую сторону, я попыталась привести мысли в порядок, но Лиззи продолжала глупо хихикать, мешая мне. Она сидела между Джонатаном и мной и постоянно несла какие-то глупости, посмеиваясь над ними. Возможно, именно поэтому Натан и не участвовал в беседе, а только изредка усмехался или просто смотрел в окно машины.

Такси доставило нас к дому Коулов, и мы с ним шагнули на тротуар с разных сторон машины.

– Какая красота! – воскликнула я.

В центре у паба тоже лежал снег, но он просто тоненькой корочкой покрывал улицу, а здесь возле дома лежали нетронутыми сугробы в пять сантиметров, для Лондона этот вид казался нереальным. Снег все еще шел, возле дома горели фонари, и огромные хлопья подсвечивались в луче ночных огней. Словно зима только начиналась, неспешно пробираясь в город.

– А хотите, я научу вас делать ангелочков?! – неожиданно для себя предложила я.

– Я хочу научиться! – выкрикнула из машины Лиззи. Брендон ругался и пытался отговорить и остановить ее, но пришлось все-таки отпустить такси, так как сестра Коула стояла уже рядом со мной, готовая к очередному приключению. Я выбирала сугроб попушистее и помягче, а моя новая подруга хихикала за спиной. Парни ежились от холода в свете уличного фонаря, а нам с ней было тепло. Я так широко

улыбалась, что даже челюсть сводило, но, позабыв обо всем, сейчас я наслаждалась всеобщим счастьем.

– Я не могу поверить, Лиз, что ты выбралась на холод и поддалась на провокацию этой девчонки, – озорно подмигнул мне Коул.

Что-то в его словах насторожило меня, что-то напомнило и немного поубавило мой пыл. Улыбка растаяла, и я ушла в себя, раздумывая над его словами.

– И как же делать ангелочков? – Пытаясь понять мою реакцию, Джонатан говорил озорно и ждал такого же ответа от меня. – Мы уже примерзли. Пора бы попрактиковаться.

– А ты не знаешь? – язвительно заметила я.

– Ну, в общем, – предположил Натан и переглянулся с Лиззи и Брендон, которые как-то смущенно замотали головами. – Нет.

– Идите за мной, сейчас я вам покажу, – позвала я и направилась к ближайшему сугробу, все еще размышляя над фразой Коула. В голове все время вертелась фраза «я не могу поверить».

Вся компания промаршировала за мной и остановилась, пока я осторожно присела в сугроб, а потом легла на него спиной, показывая, как все просто. Лиззи и Брендон пожимали плечами:

– И что дальше?

Я вытянула руки вдоль туловища и стала водить ими по снегу, словно бабочка крыльями.

– Ну, чего вы стоите? Ложитесь! – скомандовала я. – Ангелочков делают лежа!

Восемьдесят килограмм совершенства упало прямо на меня, выполняя команду. Я выставила руки вперед и опешила от такой наглости Джонатана. Он игриво улыбался и рассматривал мое лицо, наши носы почти касались друг друга, и я не могла поверить, что это происходит со мной, потому что несколько минут назад я злилась, пытаюсь что-то вспомнить. В это время Лиззи подошла к нам и плюхнулась рядом на чистый девственный снежок. Я видела, как она вытянула руки вперед к своему парню и прокричала:

– Брендон, иди ко мне! Я тоже хочу делать ангелочков! – потом повернулась ко мне и, подмигнув, сказала: – Это так эротично выглядит со стороны...

«Эти бритиши невыносимы! – думала я. – Причем в прямом и переносном смысле!»

Я повернулась к Натану, который стряхивал снежинки с моего шарфа, и, встретившись с ним глазами, вспомнила. Я вспомнила, как он говорил эти слова, пока я засыпала в комнате после разговора. Он сказал, что не верит мне, что знает, что мне что-то нужно от его семьи, от него в частности, что я не та, за кого себя выдаю... Он решил, что я сплю и не слышу, в то время как я еще находилась в пограничном состоянии между сном и дремотой.

– Слезь с меня сейчас же, – сказала я и пихнула его в грудь. – Вы что, реально не знаете, как делаются ангелочки?!

Последняя фраза адресовалась всем бритишам и особенно тому, кто так нежно придавливал меня к земле.

— Ну, исходя из того, что их делают лежа, то... — усмехнулся Джонатан.

— Ты, идиот! Встань сейчас же! — Я еще раз толкнула его, но он не сдвинулся с места, посмеиваясь и удерживая меня за плечи. Это была какая-то глупая игра, которую я не хотела ни принимать, ни понимать. Оставалось только отвернуться, пряча взгляд от Коула, и сдерживать слезы, вспоминая его слова.

— Лиззи, вставай! Ты замерзнешь, — беспокоился Брендон, но она только смеялась и протягивала руки к парню. Девушка веселилась на полную катушку, чего я не могла сказать о себе. Меня пугала данная ситуация. И еще то, что Коул ожидал от меня. Нужно было еще раз повернуться и встретиться с ним взглядом, но в тот момент, когда я начала поворачиваться, моя щека вспыхнула от его горячего дыхания, а потом вспыхнула и я, когда поцелуй задержался на моих губах. Наши глаза встретились, но я ничего не видела.

— Упс... — произнес Натан, широко улыбаясь, и начал медленно подниматься.

Холод пробирался за воротник, зубы постукивали, и я не могла понять, что чувствую. Эти английские горки от полного падения в пропасть до взлета на небеса совершенно обескураживали, не давая мыслить разумно, хотя, возможно, во всем был виноват алкоголь. Я вздохнула... Сама пока еще не

понимая, от облегчения или досады. Неужели он меня поцеловал? Может, он просто пытался подняться и задел? Не мог он меня намеренно поцеловать!

Пока я размышляла, кутаясь в шарф и рассматривая снежинки, падающие мне на лицо, три пары глаз изучали меня сверху в недоумении.

– Что? – спросила я, разводя руками. – Я же не виновата, что вы не знаете, как делать ангелочков.

– Ну, мы... – начал кто-то из них, но тут же замолчал. Я подумала, что они забыли английский.

– Теперь придется идти к другому сугробу, чтобы показать вам, как их делать, – надулась я. – Дайте руку, чтоб подняться.

Глава 10

Нас утро встречает прохладой

*День, который плохо начал,
Не храни, тоскливо ноя,
Потому что и удача
Утром спит от перепоя.*

И. Губерман

Руку подал Джонатан, она была такой же ледяной, как и моя. И мой взгляд наверняка обдавал холодом, поэтому парень поежился и отпустил меня.

«Надо же, не умеют делать ангелочков!» – возмущалась про себя я, подводя их к новому сугробу. Потом плюхнулась на спину, избегая встречаться с удивленными глазами кого-либо из них, и стала водить руками и ногами по снегу. Джонатан вновь помог мне встать, поднимая за руку.

– Вот! Смотрите! – указала я на снег. – Видите! Примятый снег похож на ангелочка!

Мои спутники переглянулись и разразились громким смехом. Смех был такой, что в доме, возле которого я пыталась изобразить ангелочка, стали зажигаться огни в окнах.

– Хватит смеяться! – цыкнула я. – Сейчас кто-нибудь вызовет полицию, и мы продолжим вечер в участке.

Они попытались сдержать смех, но это им плохо удавалось, кто-нибудь фыркал от давившего приступа.

– Ну... Не знаю... – оправдывалась я. – Мы у себя дома всегда делаем так ангелочков на снегу.

Хохот разразился с новой силой, и я тоже рассмеялась, понимая, что лондонский снег вряд ли так часто располагал его жителей к игре в снежки или вот такому способу делать ангелов. Для Лондона на улице стоял ужасный холод, и все уже немного примерзли, так что Брендон стал тащить Лиззи домой, обещая показать, как делаются ангелочки в более подходящем и теплом месте, а нам оставалось только попрощаться с ними и помахать отъезжающему такси.

Я и Джонатан шли молча до двери. Я не знала, о чем думал он, но я определенно возвращалась мыслями к этому случайному поцелую, который стал просто неожиданностью для меня после всего того, что я вспомнила и почувствовала в пабе. Я почти уже решила, что могу возненавидеть этого парня за его слова и поступки, а потом случилось это... И теперь я пребывала в растерянности.

Я повернулась и через плечо посмотрела на Коула. Он улыбнулся, но тут же стал серьезным и задумчивым. Может быть, он думал о Скарлетт? Или о том, что совершил ошибку? Или о том, что все еще не верит мне? В любом случае каждый из этих вопросов расстраивал меня. А я, кажется, начинала понимать, что Натан не такой милый и очаровательный, как на обложке Men's Health.

Снимая верхнюю одежду в холле, мы тоже молчали. И эта тишина между нами давила и угнетала.

– Хорошо повеселились, – не удержалась я.

– Да, – ответил Натан.

– Твой друг очень веселый человек, – продолжила налаживать разговор я.

– Да, – согласился он.

На этот раз парень хотя бы посмотрел в мою сторону, но, как всегда, что-то обдумывая.

– Он тебе понравился? – неожиданно спросил он.

– Да, он просто душа, – озорно ответила я.

– Рад за вас.

– Что ты имеешь в виду? – Теперь пришла моя очередь удивляться.

– Рад, что вы друг другу понравились, – равнодушно объяснил он. – Спокойной ночи.

Я хотела что-то сказать, открыв рот, но Джонатан направился к лестнице. Я посмотрела на его удаляющуюся спину и тоже стала подниматься, направляясь в свою комнату.

– До завтра, – пролепетала я, проходя мимо него.

– Угу... – ответил он через плечо, криво усмехнувшись.

«Наверное, просто перепил», – подумала я, больше не найдя никакого объяснения происходящему. Эта смена настроения просто пугала, но думать об этом или о том, насколько насыщенным был сегодняшний день, не было сил.

Кто придумал после пробуждения желать доброго утра?! По себе знаю – утро добрым не бывает. Смена часовых поясов, алкоголь, новая обстановка и парень за стеной, который недавно говорил, что не верит мне, а потом поцеловал в губы, не способствовали в это утро хорошему настроению. Встала по будильнику, и то только потому, что мама говорила в детстве, что спать весь день неприлично. К какой бы там матери отправить это приличие и будильник вместе с ним?

А я думала, что только в шестнадцать чувствуешь себя так паршиво, когда не знаешь, чего ждать от нового дня. Хорошо, что вчера я не перебрала со спиртным и физическое состояние вполне в норме, в отличие от Лиззи, которая мешала мартини с пивом и виски.

Принимая душ, я тихо напевала и думала обо всем произошедшем: о Коуле, о Томе, о том, что чаще всего люди совершенно не такие, как мы их себе представляем при первой встрече. Я очень расстроилась из-за Натана, потому что эти слова действительно ранили. Конечно, я не могла так быстро стать близкой подругой его семьи, но немного доверия заслуживала, потому что я не хотела сделать им ничего плохого.

Услышав шум открывающейся двери, я перестала петь и выглянула из-за шторы, но оказалось, что дверь закрыта, и звук, который я слышала, тоже мне показался. Клер преду-

предиди, что уедет по делам, Ричард на работе, а Натан на съемках, поэтому я продолжила петь под душем, заканчивая утренние процедуры и размышляя о том, как мне теперь себя вести с последним из них.

Покидая туалетную комнату, я поняла, что мои слуховые галлюцинации более-менее реальны, звук исходил снизу, с первого этажа, поэтому я осторожно стала спускаться по лестнице, чтобы не спугнуть выдуманного моим воображением вора. В холле стояла подставка для зонтов, и я схватила первый попавшийся с выгнутой ручкой, похожий на трость. Потом представила себя со стороны: в пижаме, с зонтом в руках, с мокрыми волосами. И сама чуть не рассмеялась в голос. Зонт вернулся на место, а я стала пробираться к кухне, стараясь не шуметь. И в этот момент:

– Чего крадешься?! – напугал меня голос материализовавшегося из кухонного проема Джонатана. – Иди завтракать.

Я вздрогнула, мысленно ругая его последними словами, но все же расплылась в улыбке:

– Хорошо. Я сейчас.

«Джонатан дома! Что он делает здесь? Как он напугал меня! Он подмигнул мне?» – Я семенила по лестнице вверх, перепрыгивая с одной мысли на другую, которые не давали мне шанса вести себя с ним как с обычным парнем из Ноттинг-Хилла.

Увидев в зеркале свое отражение, я только развела руками: волосы сырые, топик тоже намочился, дурацкие пижам-

ные штаны все помятые, вероятно, моя участь – это встретиться с мужчиной моей мечты в самом неприглядном образе, чтобы никогда и не мечтать ему понравиться, хотя со вчерашнего дня я еще не решила, а хочу ли я сама ему нравиться. Поэтому при выборе одежды я руководствовалась холодным рассудком, который на некоторое время покидал меня в этом странном городе дождей и туманов. Надела джинсы и какую-то футболку. Волосы закрутила в пучок и вернулась в кухню, где никого уже не было.

– На плите разогретое молоко. На столе коробка хлопьев. Кофе в кофеварке. Приятного аппетита, – раздался голос из гостиной.

– Спасибо, – ответила я. – А ты?

– Я закончил.

– А...

Пришлось принимать пищу в одиночестве, но не в полном смысле этого слова, конечно. Джонатан находился где-то за стеной и мог слышать, как я буду чавкать, поэтому я осторожно налила в глубокую тарелку молоко и насыпала хлопьев, потом придвинула корзинку со сдобой и стала есть хлопья вприкуску с рогаликами, стараясь не шуметь и не думать о том, что съем со злости всю его любимую сдобу.

Мысли в этот момент посещали самые разнообразные, начиная с того, почему Коул не на съемках, заканчивая тем, почему он не предпринимает больше попыток поговорить со мной, ведь сейчас подходящий случай, нас никто не услы-

шит. Еще я думала о Скарлетт и их отношениях, о том, что неправильно быть с одной девушкой и целовать другую, валяясь с ней в сугробе. Хотелось не думать о том, что Джонатан хороший актер и играет с легкостью в повседневной жизни, думать о том, что для него нет различия, где съемочная площадка, а где жизнь с ее несовпадениями со сценарием.

Парень появился в кухне так же внезапно, как и исчез, отчего я уже второй раз чуть не подавилась его любимыми рогадиками. Он схватил один и, удаляясь, бросил через плечо:

– Если что, я в своей комнате...

– А если что – это что? – сыронизировала я.

Он остановился и развернулся ко мне лицом.

– Если тебе что-то понадобится, – уточнил он, и уголки его губ слегка приподнялись в улыбке, хотя глаза устало смотрели мимо меня, отчего я поежилась, прогоняя холодок, крадущийся по спине.

Закончив завтрак, я сполоснула за собой посуду и прошлепала в гостиную, где включила убийцу времени – телевизор. Переключая каналы, я наткнулась на фильм с участием Джонатана Коула, где он играл впервые шестнадцатилетним парнем. Это была очень милая роль, после которой его заметили в Голливуде и он стал тем, кем он стал. Тем, кто стал нужен мне и еще миллионам девушек по всему миру. Страшнее картины себе и нарисовать сложно, одно дело – соперничать всего лишь с одной девушкой, другое – с миллионами его фанаток, таких же сумасшедших, как я сама.

Неожиданно в диалоги на экране вклинился потусторонний звук, исходивший с верхнего этажа дома. Слышно было не очень хорошо, но звук перебираемых струн заставил меня отключить звук телевизора и прислушаться, но и этого было недостаточно, стены глушили мелодию, поэтому я поднялась и остановилась возле двери Натана. Тема явно была не закончена. Обрывая ее, он начинал играть заново. Я готова была описаться от счастья, стоя там, возле его двери, слушая, придвигаясь все ближе, прислоняя ухо к двери, которая случайно оказалась незапертой, отчего я снова незванно ввалилась в комнату Джонатана. Он насторожился и перестал играть.

– Разве тебе в детстве не говорили, что подслушивать некрасиво? – Он был раздражен. – По-моему, у тебя входит в привычку забираться в мою комнату без приглашения.

– Прости... Прости... Я не хотела... Это вышло случайно, – оправдывалась я. – Я прикрою дверь и больше не буду тебе мешать.

«Какая же я дура беспросветная!» – ругала я себя, заливаясь горячим румянцем.

– Ты не мешаешь, – задумавшись, проговорил он. Потом потер лоб, размышляя. – Послушай...

Парень хотел сказать что-то еще, но не успел, раздался звонок в дверь.

– Кто это? Мне открыть? – спросила я, немного приходя в себя.

– Да, пожалуйста.

Я почти вышла из комнаты, но остановилась, повернулась и, выдохнув, спросила:

– А что ты хотел спросить?

Звонок раздался снова, Джонатан нахмурился:

– Ничего... Не думай об этом. Ерунда.

Когда говорят «не думай об этом», волей-неволей начинаешь обо всем задумываться. Что там такое творилось в голове у этого парня, мне понять было не по силам. Почему он постоянно находился в таком напряжении и задумчивости, я не могла постигнуть. Может, это из-за ролей? Ведь я не знала, как актеры готовятся к роли, что они делают, как настраиваются. Что необходимо предпринять, чтобы перевоплотиться в другого человека, с другими мыслями и поступками. Может, он обдумывал все это?

Как бы там ни было, я все время попадалась ему под руку, все время мешала. И от этого ненавидела себя за то, что я слишком любопытная и навязчивая.

В дверь опять позвонили, и я, выглянув в окно, увидела там Тома, который улыбался кошачьей улыбкой.

– Привет, – сказал он, когда я открыла дверь, впуская его.

– Привет, – ответила я и тоже улыбнулась. – Проходи.

– Прекрасно выглядишь, – сделал комплимент он и прошел в холл.

– Спасибо, – смутилась я. – Ты тоже.

– Ну, это вряд ли. Я вчера столько выпил, что голова тре-

щит ужасно.

Я тактично промолчала, рассматривая пуговицы на полупальто друга Коула. Он выглядел сногшибательно в этом черном незастегнутом полупальто, узких черных джинсах и высоких ботинках с пряжками.

– Кто там пришел? – раздался голос Натана сверху.

– Это Том! – крикнула я.

– Это я, – подтвердил Том, снимая темную шапочку и приподнимая упаковку пива. – Я принес пива.

В холл спустился Натан, я улыбалась, посматривая то на одного, то на другого, чувствуя себя лишней. Они пожали руки и толкнули друг друга плечами, засмеявшись. От этого звука я вздрогнула.

– Как дела? – спросил Натан и покосился на меня.

– Нормально, – ответил Том. – Чем занимаетесь?

– Да... Пф-ф-ф... Собственно... ничем, – развел руками Коул, задевая меня и извиняясь на автомате, обнял за плечи.

– Я смотрю телевизор, – задумчиво ответила я, пытаюсь сбросить руку Джонатана.

– И что там? – заинтересовался Том, только, скорее, его интересовало то, что делает рука его друга у меня на плече. Даже брови парня удивленно приподнялись.

Но Том тут же нашелся, протянул упаковку пива Коулу, предварительно вытащив из нее одну бутылку для себя, и внимательно стал слушать, что я скажу.

– Я смотрю тот старый фильм, – неуверенно произнес-

ла я. – Там Джонатан играет этого парня, которому шестнадцать лет.

– О! – воскликнул Том. – Очень интересный фильм. Ты поклонница мистера Коула?

Я смущенно заулыбалась.

– Немного.

– Ну все, Том, хватит устраивать клоунаду, – непонятно на что разозлился Натан и, схватив Тома за рукав, потащил за собой. – Пошли наверх.

Вспомнив, что я только что сунула нос в святая святых и, по-моему, еще не прощена, я опустила глаза, стараясь стать незаметной и справиться с обидой.

– Мы еще увидимся, – сопротивлялся натиску Натана Том.

– Конечно. Я в гостинной, если что! – сыронизировала я, ох уж это желание всегда ставить точку последней в разговоре.

Коул повернулся, и его нахмуренные брови приподнялись в удивлении, а губы приоткрылись, чтобы что-то сказать, но он тут же передумал и со вздохом замотал головой.

– Том? – позвал он.

Я вернулась в гостиную и тупо уставилась на экран. Там милый мальчик с немного угловатыми движениями и длинными волосами что-то рассказывал понравившейся ему девочке, которая совершенно не хотела его слушать. А я хотела реветь от непонимания, еще больше заливая этот город ненужной влагой. Мне хотелось знать, что происходит. Мне

хотелось сбежать от серьезных глаз и недоверия Натана. Мне хотелось того, чего я не могла получить.

Вскоре ко мне присоединился Том, который плюхнулся рядом на диван и, нагло рассматривая меня, спросил:

– Все еще идет?

– Да, – тихо ответила я, стараясь не краснеть под его взглядом.

– Грустишь?

Он вел себя настолько естественно и немного нагло, что это не могло не нравиться. Руку он закинул на диван, и я чувствовала это почти объятие, которое мне нравилось. Мне действительно нравилось чувствовать себя красивой и нужной. Мне было приятно из-за того, что я нравлюсь Тому, а не стучусь в закрытые двери, расшибая лоб.

– Не знаю... – вступая в игру, ответила я.

– Никто тебя не развлекает? – Он коснулся моих волос, наматывая выбившуюся прядь на палец.

– Да нет. Что ты. Завтра мы с Лиззи пойдем в музей, а потом Клер обещала показать интересные уголки Лондона, – объясняла я. – Просто сегодня день выпал, за окном противная погода, а я не привыкла сидеть и тупо таращиться в телевизор.

Пришлось повернуться к нему лицом, чтобы видеть его ярко-синие глаза, этот хитрый взгляд и острую линию подбородка, присущую только англичанам.

– И чем ты любишь заниматься? – Он внимательно слу-

шал или делал вид, что слушает, опираясь на кулак.

– Гулять люблю, читать книги...

– У Коулов прекрасная библиотека. Спроси Натана, он даст что-нибудь почитать, – и он провел рукой по воздуху над головой.

– Не хочу, он сегодня слишком раздраженный и злой, – пожаловалась я.

– Я не злой, – послышался голос Джонатана за спиной.

«Черт! И зачем я только это сказала?» Баллы королевы лохушек так и сыпались в мою призовую корзину.

– Я просто... У меня голова болела, – он потер руками виски.

Натан присел на соседний диван и впился в меня глазами, я пыталась выдержать его взгляд изо всех сил, и в этот раз у меня получилось. Коул откинулся на спинку дивана и посмотрел на экран телевизора.

– О боже, – простонал он. – Можно это выключить?

– Нет, не выключай, – ехидничал Том. – Сейчас будет самое интересное.

Я взяла в руки пульт, готовая в любую секунду выключить телевизор, но Страуд выхватил его из рук.

– Том... – укоризненно посмотрел на него Натан.

– Что? – как ни в чем не бывало ответил его друг. – Ты нам мешаешь, мы смотрим очень интересный фильм.

Его рука легла мне на плечо, и он придвинулся ближе, так, что я чувствовала и тепло его тела, и запах парфюма.

– Ах, мешаю! – взорвался вдруг Коул, зачесывая рукой волосы назад. – Извините!

Он вскочил с дивана и парой шагов пересек гостиную, скрываясь за дверью. Гулкие шаги раздавались на лестнице, потом громко хлопнула дверь, и все затихло.

– Я... – В горле стоял ком, а в мыслях суета.

– Пусть побесится, – сказал спокойно Том.

– Но... – Я развернулась и посмотрела в проем двери.

– Просто что-то у него там с ролью не ладится. Это пройдет. Вот увидишь, к вечеру все будет так, как будто вообще ничего не было.

Я сидела и молча переваривала то, что сейчас произошло. Мне совершенно не хотелось огорчать Коула, но чувство, которое я испытывала сейчас, заставляло поверить, что я сделала что-то плохое и в то же время веселое.

– Кстати. Раз ты сегодня не занята... – загадочно улыбался Том, прищулив глаза. – То... может... ты согласишься пойти с нами вечером в клуб? Как тебе такая идея?

И он еще ближе придвинулся ко мне.

– Я...

Глава 11

Лучше блондинки только другая блондинка

*Теперь я понял, почему блондинки пользуются
большим успехом. Их легче разглядеть в темноте.*

Роберт Орбен⁹

Минуя фейсконтроль, мы попали в небольшой, по словам Тома, клуб, который они любили посещать компанией, собравшейся сегодня, не считая того, что в этот вечер к ним присоединилась я.

«Четыре парня и девушка – неплохая компания для скандала», – подумалось мне, но Страуд так крепко держал за руку, что я отбросила все опасения.

Клуб выглядел как обычный лондонский паб, который немного приукрасили. Длинная барная стойка, за которой в зеркале отражались улыбки посетителей, небольшой круг танцпола в центре и множество столиков на четверых по окружности и ниши с диванчиками у самой стены. На стенах темного оттенка переливались выбитые не то стразами, не то просто блестками огромные цветы, а в нишах на стенах висели лампы со множеством хрустальных подвесок. Над танце-

⁹ Роберт Орбен (4 марта 1928 год) – американский фокусник и юморист.

вальной площадкой мигал галоген, а по лицам присутствующих прыгали зайчики от светящегося шара. Гремел какой-то дабстеп, девушки извивались в центре зала, обычные лондонские красавицы с приклеенными ресницами, обесцвеченными прядями и пуш-апом на груди. Но удивительнее всего было увидеть здесь девочек гоу-гоу, которые энергично вертели попами на барной стойке, выступления от которой уходили в сторону общего зала. Они либо держались за шесты, либо просто прохаживались взад и вперед по импровизированной сцене, покачивая и подпрыгивая всем, что у них имелось в арсенале.

Надюха бы точно сказала, что место отличное для четверых холостяков, которым не хватает обычной женской ласки. Под обычной у нее всегда подразумевалось хорошенько накормить, напоить, уложить в постель и сделать с ним все, о чем он только мечтает. Я про себя посмеялась, решая, что этим четверым явно не помешала бы такая ласка.

Том, Джонатан, их друзья, Маркус и Бобби, и я – все расположились за барной стойкой на высоких стульях; бармен знал компанию и не переставал подливать текилы, как только в рюмках становилось пусто.

Как Том и обещал, настроение у Коула улучшилось, он мило болтал с друзьями, много улыбался и шутил сам, в мою сторону не было ни одного взгляда, за исключением того, которым он одарил меня, когда Том объявил, что я приглашена на их вечеринку. Джонатан насторожился, но тут же сделал

вид, что ему все равно, пожал плечами и равнодушно пробубнил:

– Как хочешь...

В такси по дороге в клуб я молчала, а Том вспоминал всяческие истории из «дозвездной» жизни Коула, пытаюсь развеять ореол, которым я окутала его персону. Я смеялась в голос, а Натан пытался остановить этот словесный поток, но это ему плохо удавалось, потому что неиссякаемый юмор Тома, который, похоже, старался изо всех сил понравиться мне, не прекращался ни на минуту.

Например, он рассказывал о том, как Джонатан хотел стать рэпером, наряжался в свои пятнадцать в отцовскую футболку, переворачивал бейсболку козырьком назад, вешал на грудь велосипедную цепь и записывал себя на бумбокс, горланя рэпчик собственного исполнения или перевирая песни Wu-tang Clan.

– Вот бы послушать... – хохоча, пробормотала я. На что Коул, недовольно зыркнув, отрезал, что никто и никогда в жизни этого не услышит. Пришлось прикусить язык и дальше слушать только Тома.

Еще я узнала, что Джонатан очень любит копченые куриные ножки. И Том предполагал, что друг любил их за то, что не отказался бы покусать женские загорелые ножки, но это не так часто удается. После этой истории Коул несколько раз попросил Тома заткнуться, но в центре нас задержала небольшая пробка, так что Страуд болтал и болтал, не обра-

щая внимания на запреты, потому что Натан и сам изредка посмеивался удачным шуткам Тома.

Больше всех меня повеселила история с машиной, которую Натан припарковал возле офиса агента, забыв поставить на ручной тормоз. Оказывается, там был небольшой уклон, пока парень решал вопросы с менеджером и агентом, машина уехала сама по себе вперед. Едет себе машина без водителя, и тут преграда... Бац.

Коул вышел на улицу покурить, а машины нет. Он решил, что угнали или, возможно, он просто забыл, где ее оставил (а это была его первая купленная машина), потому что находился в состоянии легкого похмелья. Но когда услышал вопли водителя нового «Лексуса», не на шутку перепугался. Крадучись он подошел к машине и, почти зажмурив глаза, стал рассматривать повреждения. А водитель «Лексуса» как рявкнет:

– Твоя машина?!

– Да-да...

Мужик ему свою версию рассказал:

– Я сижу себе, The Times читаю. Вдруг – бах сзади. Я выхожу, смотрю, а в машине никого нет... Чудеса...

– Ну, Натан тогда легким испугом отделался, – продолжал Том. – Мужчина тот узнал его, оказывается. Все в размер страховки убралось. Джонатану пришлось только автограф дать.

Так и написал у него в ежедневнике: «С любовью, Джона-

тан Коул».

– Наверное, тот поц твою подпись у сердца хранит, а, Натан?! – саркастично заметил в итоге Страуд. Но Джонатан только более настойчиво попросил Тома заткнуться, с чем тот согласился, потому что мы уже прибыли на место.

И вот теперь веселье продолжалось. Я сидела в компании четырех мужчин, травящих байки и поглядывающих в сторону девочек гоу-гоу, и зевала, обдумывая вариант побега, потому что не представляла, что мне будет так неприятно и скучно. Хотя, конечно, я узнала много нового о Коуле, да и сам факт нахождения рядом с ним был просто потрясающим, но разговоры и пьяные шуточки не вдохновляли на дальнейшее времяпрепровождение в этом обществе.

– Не нравится мне, как ты на него смотришь, – прошептал Том мне в ухо.

– И как я на него смотрю? – поинтересовалась я.

– Как мышь на сыр в мышеловке, – выдал он.

– Это как? – решила уточнить я.

– Да так. И сыр хочется, и лапы жалко, и слишком он вкусен для меня. Брось ты эту затею.

Его слова заставили задуматься и разглядывать собеседника чуть дольше. Что он знал о нем? Что знал о том, что у меня на уме?

«А что, если я именно так и выгляжу, как помешанная?» – размышляла я, переводя взгляд на дно бокала с пивом. Может быть, Коулу надоели эти восторженные взгляды фана-

ток, а тут я на него свалилась, кому понравится, когда на тебя смотрят, как он тогда сказал, как на «картину Сальвадора Дали».

Я тяжело вздохнула, переваривая то, что услышала, и посмотрела на Тома снова, решая вести себя менее назойливо и быть более сдержанной, не так часто рассматривать родинки Коула и его воздушную улыбку, с ямочками по краям губ, которые закручиваются в спиральки, когда он лукаво улыбается. Может, и правда переключить внимание на того, кто попроще, на того, кто подходит и проявляет интерес.

Вот он сидит, рассказывает что-то, делает комплименты, проявляет интерес и внимание. Он ведь ничего, Том Страуд. Тоже англичанин, и у него тоже голубые глаза, длинная челка, спадающая на лоб, рельефные скулы и ямочка на подбородке. Его губы, конечно, не такие притягательные, как у Коула, но они такие полные, что хочется их потрогать или укусить. Он чуть ниже ростом, но зато шире в плечах, явно спортзал его второй дом и...

– Ты чего на меня так пялишься? – прокричал Том, широко улыбаясь.

– Что? А... я...я просто задумалась над тем, что ты сказал.

– И что придумала? – поинтересовался он.

– Что ты идиот, раз так думаешь, – выпалила я, пытаюсь спрятаться за грубостью.

– Ну, прости. Это просто предположение, – извинился он.

Том развернулся ко всем остальным, а я выглянула из-за

его плеча и... И встретила с глазами Коула, нахально из-чающего меня и не собирающегося отводить взгляд. Мне хотелось высунуть язык, как маленькой, и передразнить его, но я только приподняла бровь, на что он ухмыльнулся и повернулся к бармену. Терпение заканчивалось, хотелось бежать и в тихом уголке пожалеть о том, что я вообще запала на этого холодного красавчика. Да и еще разговоры о других девушках никак не заканчивались, а я-то думала, что парни не такие сплетники.

Теперь они обсуждали девушку с длинными светлыми волосами, которая сидела в углу зала одна за столиком и красиво курила длинную тонкую сигарету. Банальная блондинка с сигаретой – вот кто был нужен, оказывается, сейчас Коулу. Я лишь фыркнула, думая, что это, по крайней мере, просто невоспитанно... разговаривать о незнакомке, когда рядом сидит девушка.

– Да она даже разговаривать с тобой не будет, – говорил Джонатану Том.

– А с кем будет, с тобой? – парировал Натан. – Да, ты же у нас всемирно известный ловелас-любовник.

– Ни с кем из вас она разговаривать не станет, – подытожила я.

– Это почему же?

Четыре пары глаз рассматривали меня и ждали ответа.

– Потому что, – вздохнула я, – никто из вас к ней не подойдет. Доподлинно известно, если петухи хорохорятся, до

курицы дело не доходит.

– Что? – недоуменно спросил Том.

– Я говорю, что болтаете вы много, а делаете мало.

Маркус и Бобби засмеялись, поглядывая на друзей, споривших рядом. Том и Джонатан ждали продолжения.

– Хотите, я приведу ее к вам? – сказала я, сделав большой глоток пива.

– Нет, – ответил Натан.

– Да! – закричали все остальные.

– У тебя не получится, – усмехнулся Коул, смотря в рюмку.

– Ну, так давай поспорим, – подначивала я.

Он вскинул брови и чуть не подавился текилой, но тут же вытер тыльной стороной ладони губы и посмотрел на меня в упор.

– Поспорим? Хорошо. Давай поспорим. На что?

– Я не знаю. Вам нужна эта блондинка!

– Если Стася проиграет, то она станцует нам возле шеста, – нашелся Том, у него всегда был готов ответ.

Я посмотрела на шест, сглотнула, представляя себе, как я туда заберусь.

– А если я выиграю? – спросила я Тома.

– А если выиграешь – танцует Натан! – И все засмеялись в голос, как жеребцы. Даже блондинка в углу обратила на них внимание.

Коул смерил меня взглядом и кивнул. Мы пожали с ним

руки, а Страуд разрубил замок. Хлебнув для храбрости, я пошла к девушке, хотя еще у стойки поняла, что переборщи-
ла с юмором и подколками.

Девушка оказалась очень милой и разговорчивой, а еще выяснилось, что она русская и приехала в Лондон учить язык. Звали ее Наташа, как мило встретить в Англии девушку из России с самым нераспространенным именем, да еще и такую красотку. И что я наделала? Но расстраиваться было рано, потому что в моем рукаве еще прятался козырь и ждал своего часа.

Я рассказала Наташе о тех придурках, что посматривают на нас за барной стойкой, о том, что она меня очень выручит, если выпьет с нами рюмочку текилы и поболтает. К тому же ей одной, может быть, скучно, а мы ее развеселим. На что она улыбнулась и согласилась, расспрашивая, почему же никто из парней не подошел сам. И вот тут я вытащила козыря, но об этом позже.

Мы подошли к ребятам, и я представила ее:

– Познакомьтесь, это Наташа. Она тоже из России.

Том поставил рюмку, слез со стула первым и представился:

– Том. Очень приятно. Том.

Я закатила глаза.

– Наташа, – мелодично пропела она.

Джонатан смотрел то на меня, то на Наташу, глаза бегали, но спустя секунду морщинка на лбу расправилась, уголок гу-

бы приподнялся, и он тоже встал и представился.

– Джонатан. Можно просто Натан.

– Я вас узнала, – улыбалась она, в ответ ее собеседник заметно насторожился, ожидая продолжения.

– Вы этот, как его... – Она закатила глаза, вспоминая. – Ну, тот, который играл Майка в фильме...

– Да, это я, – смущенно ответил парень, хотя никакого Майка нигде и никогда он не играл.

Я незаметно улыбнулась, но Коул заметил и подмигнул, на что я просто опустила глаза, размышляя об идеальных формах фигуры Наташи. Грудь так и тычет парням в лицо, ноги почти что из ушей тянутся, и вся такая милая и гламурная, что даже тошно.

Маркус и Бобби тоже поприветствовали ее, и все вернулись на свои места, пригласив Наташу вместе выпить. Она заказала «Bacardi».

Парни, включив обаяние на полную мощность, стали развлекать новую даму, которая в ответ смеялась и постоянно откидывала назад волосы. Иногда она томно смотрела на всех мужчин и старательно выпирала грудь.

Том развернулся ко мне, игнорируя всю четверку.

– А ты почему не очаровываешь Наташу? – спросила я.

– Мне больше нравишься ты, – вдруг выпалил он. И процитировал:

Красоток я люблю не очень,

*И не за скупость их ума.
Красотки даже среди ночи
Себя рассматривают в зеркала¹⁰.*

Я открыла рот от удивления, а потом опустила глаза и рас-
смеялась...

– И зачем ты это сделала? – Это был еще более каверзный
вопрос, чем про взгляд.

– Сама не знаю. Повеселиться хотела, – отшутилась я.

– Повеселилась? – ухмыльнулся он, заправляя мне выбив-
шийся локон за ухо.

– Все веселье еще впереди, – ответила я. – Давай лучше
выпьем.

– Что ты будешь пить? Еще пива?

– Нет, хочу вашего дурацкого виски. Да, закажи мне вис-
ки. Гулять так гулять!

Когда нам подали виски, я заметила, как Коул и Наташа
направились к выходу. Том проследил за моим взглядом и
выдал:

– Не понимаю я тебя...

– Что? – переспросила я.

– Не понимаю я тебя! – крикнул в ухо Том.

– Ой, Том, я сама себя иногда не понимаю...

– Мне кажется, ты просто заигралась, – сделал вывод он. –
Забудь о нем, мой тебе совет.

¹⁰ Афоризм Игоря Губермана.

– Ну, уж нет. Очень хочу посмотреть стриптиз в исполнении всемирно известной звезды кинематографа.

Страуд усмехнулся.

– Да, то еще зрелище предстоит. Жду не дождусь узнать, что ты там ей наплела про Джонатана.

Глава 12

Добро всегда побеждает зло

*Добро со злом природой смешаны,
Как тьма ночей со светом дней;
Чем больше ангельского в женщине,
Тем гуще дьявольского в ней.*

И. Губерман

Я пила противный виски и ругала себя последними словами. А вдруг Наташа поступит иначе? Ведь мы, женщины, такие противоречивые создания. Сегодня говорим одно, а завтра делаем совсем другое. К тому же и Джонатан может ее переубедить. Нет, не думаю, что она меня подведет, своя же вроде бы.

– О чем ты думаешь? – прервал мои размышления Том.

– Я?

Я отпила еще виски и поморщилась.

– Отсчитываю время.

– Что? – удивился он.

– Считаю, спустя какое время вернется Натан.

Брови Тома поползли вверх. Чуть не поперхнувшись своей выпивкой, он рассматривал меня, словно видел впервые, потом улыбнулся и спросил:

– И что ты ей сказала?

– Думаю, Натан сам тебе расскажет, когда придет, – ответила я, подмигнув и улыбнувшись в ответ.

– А ты та еще штучка, – ухмыльнулся он и ткнул меня кулаком в плечо, как будто своего в доску парня. Ну вот, опять я свой в доску парень. А хочется... Хочется романтики и любви, за которой я приехала в этот славный город, потратив все свои сбережения. Я обвела зал взглядом ихватила из толпы лиц парочку, которая сидела за столиком недалеко от нас. Парень держал девушку за руку и что-то трепетно ей рассказывал.

«Вот бы меня так кто-нибудь подержал за руку...» – размышляла я, а рядом был только Страуд.

– Ух... – выдохнула я. – Давай выпьем, Том?

Он утвердительно кивнул.

– Давай. Есть тост?

– Да. Выпьем за то, чтобы у нас все было, а нам за это ничего не было...

– Хм... Хороший тост.

Мы соприкоснулись стаканами и выпили до дна, а потом попросили повторить и еще выпили.

Джонатан вернулся через полчаса, когда я была уже порядком пьяна и смеялась над всем, что рассказывали мои спутники. Правда, Том все время предусмотрительно просил бармена не доливать мне. Наверное, он не хотел, чтобы я пропустила выступление Коула.

Тот выглядел рассерженным, отодвигая стул и присаживаясь за барную стойку. Он бросил снисходительный взгляд на меня и крикнул бармену:

– Виски! Двойной!

Я отвернулась и стала разглядывать шест. Интересно, как он влезет к нему?

Когда я повернулась обратно, я увидела в его глазах бушующее море, которое могло меня захлестнуть волной и утопить в своей пучине. По спине пробежал холодок, и я дернула плечами, прогоняя наваждение. Том откинулся на спинку стула и загадочно посмеивался, глядя на нас двоих.

Я попыталась сделать вид, что все хорошо, и улыбнулась. Ни один мускул не дрогнул на лице Коула.

– Повеселилась? – наконец заговорил он, отрывая от меня взгляд и ставя стакан перед собой.

– Нет. Точнее не совсем. За тобой еще танец, – опасливо скалилась я.

Том ехидно усмехнулся.

– Натан, так ты откроешь нам тайну, почему ты так рано вернулся? – подтрунивал над ним Маркус. – Мне казалось, что обычно девушки тебя просят остаться.

Коул зашевелил губами, потер указательным пальцем под носом и буркнул:

– Она сказала ей, что я не могу...

Наверное, я совершила недопустимый прием и переиграла в борьбе за внимание Джонатана, но я поступила как

обычный человек, который отвечает на боль причинением еще большей. Или хотя бы просто пакостью.

– Чего-чего? – Том бросил на меня взгляд и придвинулся ближе к Натану. – Кто кому чего сказал?

– Стася, – он мотнул в мою сторону головой и продолжал говорить, смотря на стакан, – сказала, что у меня не стоит...

Их громкий хохот прогремел на весь зал, в то время как я всего лишь улыбалась, отвернувшись, боясь посмотреть Коулу в глаза, которые меняли цвет на более суровый. Наташа не подвела, все-таки женская солидарность еще существовала.

Джонатан пил виски и поглядывал на меня, возможно, обдумывал причины, по которым я так поступила, а может, просто злился, что у него ничего не получилось с Наташей.

– Зачем ты это сделала? – перегибаясь через Тома, спросил он.

«Зачем же он так смотрит на меня? Мамочки...» – Я сделала глубокий вдох, а потом меня понесло.

– У меня есть тост! – крикнула я, чтобы меня услышали ребята.

Натан откинулся на спинку стула.

– Тебе не хватит? – саркастически заметил он.

– Мне двадцать один. И пить я умею, не сомневайся! – заверила я, хотя сама сомневалась после всех выпитых вместе с Томом шотов.

Бармен наполнил наши стаканы, и четыре пары глаз уста-

вились на меня, все ожидали объяснений.

– Так вот, – начала я. – Есть такая легенда.

Том усмехнулся, он вообще выглядел очень довольным, найдя в моем лице сообщника для подколов других. Он подмигнул мне, давая возможность продолжать.

– Я могу продолжать?! – цыкнула на него я.

– Да, прости. – Он приложил ладонь ко рту, чтобы прикрыть довольную улыбку. Меня это только подзадорило.

– Значит, легенда. – Я подняла голову и задумчиво посмотрела в потолок. Том давился от смеха, я продолжала игру: – Собрались как-то раз на огромном поле две стаи...

Натан натянуто улыбнулся и покачал головой, Маркус и Бобби посматривали то на меня, то на Коула, пытаюсь не смеяться сразу.

– Продолжаю... – цыкнула опять я. – Одна стая была бобрами, а другая – козлами.

Том не удержался и покатился со смеху, сгибаясь пополам.

– Ну, все. Я не буду рассказывать, – обиделась я, отворачиваясь от ребят, которые тут же злобно одернули его.

– Прости, рассказывай, пожалуйста, я больше не буду, – наигранно взмолился Страуд. – Просто я подумал о Наташе и Натане.

Он не смог договорить, вновь рассмеявшись. Маркус и Бобби довольно улыбались. Только Джонатан невозмутимо восседал на высоком стуле, вытянув губы в трубочку, так

что его скулы стали еще рельефней, придавая облику таинственно-привлекательный облик. Он напоминал одну из его ролей, которая мне очень нравилась.

— В общем, встретились однажды козлы и бобры, — я заткнула Тому рот рукой. — Вот в чем вопрос: как вы думаете, кто победил в этой схватке?

Встретившись с Коулом взглядом, на этот раз я не отвела глаз, и он не собирался отводить их тоже.

— Я думаю, ответит самый умный и начитанный из нас.

Том убрал мою руку и сказал:

— Я тоже читаю книжки.

— Нет, право ответить первым есть только у Натана, именно он хочет получить объяснения, — настаивала я.

— Отвечай, — толкнул в плечо Натана Маркус. — Скажи что-нибудь.

— Хорошо. Пусть козлы... — бросил он.

— А вот и нет, — ответила я. — Победят бобры.

Парни опять загоготали, уже не сдерживаясь. Коул только снисходительно посмеивался, рассматривая меня, в его взгляде плескались такое тепло и нежность, что я сама испугалась того, что увидела. Я боялась обмануться или поверить в то, что видят мои глаза, поэтому сделала вид, что ничего не вижу совсем.

— Стася, ты просто чудо! — воскликнул Том, поглаживая меня по плечу.

— Так ты ответишь, почему бобры, а не козлы? — Тон На-

тана и его настроение изменились, и я уже была не так уверена в том, что моя история, заимствованная у одной из команд КВН, может всех рассмешить.

– Потому что бобры добры, а козлы злы. А добро всегда побеждает зло. Ты был весь день сегодня злой, вот я и хотела, чтобы добро одержало победу над тобой.

– А добро – это ты? – съехидничал Натан.

– Да. Так что готовься придумывать танец у шеста, – я смеялась как ненормальная, наверное, это было нервное. Ведь буквально несколько секунд назад я почувствовала, что Джонатан не такой уж недостижимый и неприступный. Почувствовала, что он обычный парень. И что вместе с ними я могу проводить время так же, как и со своими обычными друзьями. Что он просто мужчина, которого не надо боготворить. И можно очень просто проучить.

– Здорово она тебя сделала, Натан, – смеялся Том. – Даже у меня так хорошо никогда не получалось.

– Надо выпить! – предложил Маркус, сгребая челку в кулак.

– Да. За добро! – воскликнул Бобби и подмигнул мне.

Мы подняли стаканы и выпили.

Бармен, слушавший нас краем уха, тоже улыбался. Мне это не очень понравилось, и я его шутливо поставила на место:

– Вы тоже хотите поспорить?

– Что?! – удивился он.

– Я говорю, хотите составить компанию моему другу в танце?

– Нет. Что вы... – засуетился бармен.

– Тогда налейте еще виски и попросите, чтобы включили подходящую музыку. Мой друг сейчас исполнит эротический танец у вас на стойке.

– Нет! Нет! – запротестовал Коул. – Пошутили, и хватит. Я не собираюсь лезть на стойку.

– Давай-давай, – подначивали его друзья.

– Да вы с ума сошли?! Нет, нет и еще раз нет! Потом вы будете просить прессу не писать об этом?

– Налейте ему еще двойного виски! – кричал бармену Том.

И мы выпили еще. Потом был тост за друзей, и все обнимались. Затем они выпили еще, но я пропустила. Бармен подвел меня к мужчине, который занимался музыкой в данном заведении, и мы с ним договорились, что через пару композиций он поставит трек, который нам нужен.

Когда я вернулась, ребята о чем-то бурно спорили и смеялись.

– Договорилась? – поинтересовался Том, приобнимая меня.

– Да. Минут через десять выход Коула, – ответила я.

– Нат, ты слышишь? – толкнул его Том. – Через десять минут твой выход.

– Вы сами напросились... Потом не кричите фу... ну... –

рассмеялся Джонатан.

– Нет, ты что! Мы будем аплодировать и свистеть, – заверил его Том.

– Этого я еще больше боюсь... – обреченно заметил Коул. Наконец заиграла музыка – это была Lady GaGa «Paparazzi», как раз подходящий мотивчик, под который посетители энергично задвигались на танцполе. Натан улыбнулся мне, скинул куртку и направился к шесту на барной стойке. Парни приготовились к представлению, посмеиваясь и толкая друг друга локтями. Я стояла поодаль, пытаюсь быть незаметной, хотя смотрела на Натана во все глаза. Он был очень красивым парнем, это замечали и другие девушки на площадке, которые зазывно посматривали в его сторону. Он был тем, кого хотели многие.

В это время в колонках зазвучал голос диджея:

– Внимание! Сегодня для вас в клубе танцует приглашенная звезда.

Коул держался одной рукой за шест и смущенно смеялся. Том начал свистеть, Маркус что-то кричал ему, Бобби просил его покрутить попкой. Я давилась от смеха сквозь слезы, пытаюсь не забыть ни одного момента этого приключения.

Из Коула выходил ужасный танцор, все, на что он был способен, – просто поднимать ноги и закидывать их на пилон. В итоге он запрыгнул на шест и повис на нем. Ребята опять загоготали в голос.

– Ты совсем все неправильно делаешь! – крикнула ему я,

складывая ладони в рупор. – Я сейчас покажу класс!

Вероятно, это спиртное отпустило на тормозах мой контроль над собой, и я уже не знала, что творила. Направившись к выступу с противоположной стороны от бара, я забралась к другому шесту и стала показывать «класс». О реакции на танец судить я не могла, потому что вся сосредоточилась только на том, чтобы не отпускать руки и не свалиться. Я могла надеяться только на то, что два года в клубе на занятиях strip dance не прошли даром.

– Давай, детка! Вот это я понимаю стриптиз! – крикнул кто-то из зала, поддерживая меня, что вселило в меня уверенность. Именно этот вопль сподвигнул меня на опасный трюк, который грозил закончиться катастрофой, когда пальцы соскользнули, а в зале я услышала не на шутку перепуганный крик Коула:

– Том, лови ее скорее!

Секунда свободного полета показалась вечностью, потому что вытерпеть еще одно фото моей пятой точки на стене в комнате я бы не смогла. Оказавшись в руках у Тома, я облегченно выдохнула, но перед глазами все расплывалось.

– Выведи ее на улицу, – раздраженно выдохнул Джонатан, появившись у друга за спиной.

В зале свистели и кричали.

– Натан, куда ты? К центральному входу не стоит, там полно фотографов, – предупредил Маркус.

– Я проведу вас к черному ходу, – предложил кто-то.

Струи холодного морозного ветра врезались мне в лицо, когда открылась дверь. Я даже задохнулась от этого. Но голова тут же прояснилась, когда я стала глубоко вдыхать в себя этот ледяной воздух.

– Поставьте... ме-ня на... ноги! – несвязно скомандовала я.

Том опустил меня, но тут же обхватил за талию. Справа тоже чувствовалось тепло, я повернула голову и встретила взглядом Коула, он тоже поддерживал меня за талию.

– На секс втроем я не соглашалась, – выпалила я и захихикала.

Он только осуждающе покачал головой.

– Кто-то говорил, что умеет пить, – вступился за меня Том.

– Да? И кто это был? – удивлялась я.

– Так. Все. Держи ее, – затараторил Том. – Стойте здесь, я поймаю такси и приду за вами.

Он скрылся за дверью клуба, и мы с Джонатаном остались наедине.

– Так хорошо... – слова с облачком пара повисли в тишине на заднем дворе известного лондонского клуба. Где-то залаяла собака, скрипнула дверь и слышались удаляющиеся шаги.

– Не знал, что тебе, чтобы было хорошо, нужно так напиться, – буркнул Натан.

Что это он имеет в виду? Что я пьяная? Да ни фига. Я

трезвая как стеклышко. Я пью только мартини... в маленьких количествах... и никогда не пьянею. Сейчас я ему это докажу.

Встав прямо перед ним, ничего, что меня чуть-чуть показывало, я подняла голову и посмотрела в его глаза. Пронзительность взгляда Коула лишила меня последних сил и разумных доводов не делать того, что приходило на ум. Поэтому, не найдя ни одного аргумента против, я приподнялась на цыпочки и поцеловала его в губы, обхватив за шею.

– Что ты делаешь? – держа меня за талию и, слегка отстранив от себя, спросил он.

– Целую тебя, болван, – ответила я. И посмотрела на него так, чтобы он понял, что я делаю и чего хочу.

– Завтра, когда ты будешь трезвая и все вспомнишь, тебе будет стыдно за то, что ты творишь сейчас.

– Пусть, – фыркнула я и снова накрыла его губы своими. Он стоял без движения какое-то время, не отвечая мне и старательно делая вид, что его это не интересует. Но в ту же секунду что-то рухнуло, отпустило его волю, и я почувствовала, что Коул перестал сопротивляться. Я ощущала, как он нежно целовал по очереди то нижнюю, то верхнюю мои губы, заставляя отвечать так пылко, как только я могла, обнимать его так страстно, как только позволяли мои объятия.

Его рука скользнула в мои волосы, он сжал их в кулак, а потом положил ладонь мне на затылок. Пальцы второй руки впивались мне в спину, прижимая к себе еще ближе. Это ка-

залось каким-то наваждением, сном, в который я не могла поверить и который я не хотела останавливать.

Наш поцелуй становился все более жадным, дыхание у обоих сбилось, и пульс рвался. Его язык встретился с моим, и мы с еще большим неистовством набросились друг на друга. Нам хотелось раствориться друг в друге, отдаться полностью.

Джонатан лихорадочно гладил мои бедра, спину, плечи, волосы, заставляя чувствовать меня необходимой, желанной, заставляя проваливаться в бездну не любви, нет, желания. Такого сильного, которое я никогда раньше не испытывала.

Мне уже не хватало воздуха, и я пыталась ловить его короткими вдохами, но не отпускала Натана. Я тоже исследовала его широкую спину, тоже запускала руки в его необузданную шевелюру, обдирала ладони о щетину на щеках, пока...

Пока мы не услышали шорох позади нас, и это разрушило то, что на мгновение соединило нас. Джонатан вздохнул и сделал шаг назад, выпуская меня из объятий. Передо мной все плыло как в тумане. Я не видела ни лиц, ни строений, ни того, кто помешал нам.

– Нат, не отпускай ее! Она же качается, как тростинка на ветру.

Кто-то подскочил ко мне и придержал за талию.

– Какая ты холодная. На, держи.

Что-то легло мне на плечи, наверное, куртка или пальто. Я ничего не понимала.

– Пора ехать домой, – сказал холодно голос справа, так, что я поежилась, и правда ощущая холод. – Выходите первыми, потом я. Мне надо пропустить еще стаканчик.

Глава 13

Вспомнить все

Память – это полоумная баба: собирает яркие тряпки, а хлеб выбрасывает.

Остин О'Малли ¹¹

Сон. Мне опять снился сон. Из тех, что заставляют думать: а не шизофреничка ли я? Все крутилось, как на Чертовом колесе, люди, яркие вспышки фонарей, чьи-то руки. Я оказалась в чьих-то руках, обнимала мужчину, но не видела его лица. Мне было холодно, и я все ближе прижималась к нему, но чем теснее я прижималась, тем холоднее становились мои руки и все тело.

Внезапно я почувствовала удар по голове. Или это происходило во сне, понять было сложно. Через какое-то время удары или просто стук повторились, но я все еще не могла понять, как все это связано вместе и со мной.

– Стася, открой.

«Джонатан? Что он делает у меня во сне? Что-что, то же, что и обычно – снится!»

– Уже пять утра. Мне надо в душ, – сказал приглушенно он.

¹¹ Остин О'Малли (1858–1932) – американский писатель, профессор английской литературы Университета Нотр-Дам.

«А я при чем? Иди в свой душ» – подумала я, пытаюсь выкарабкаться из сна.

В голове шумело, словно гиппопотам топал у меня в черепушке. Веки стали такими тяжелыми, что открыть глаза можно было, только приложив всю силу, которая меня покинула в этот ранний час. Но я все же открыла левый глаз.

Что это? Что-то белое и... и холодное. Что же это? Открыла правый глаз... Я обнимала что-то белое, гладкое и холодное.

– Стася, открой. Я опоздаю на съемки. – Его требовательный голос никак не давал сосредоточиться.

Я попыталась что-то ответить, но горло саднило, и я продолжала молчать.

Что со мной случилось? Я огляделась и, кажется, поняла, кого я так страстно обнимала во сне. Вот он мой красавец мужчина, белый и холодный, все еще в захвате моих рук, которые я тут же отдернула. Фу! Докатилась!

Я вскочила на ноги, но меня замутило, и я задела этажерку, расположенную напротив унитаза, и еле удержала ее, предотвращая падение склянок.

– Что случилось? – заволновался Натан. – С тобой все в порядке?

– Сейчас, – пыталась его успокоить я, прочищая горло. – Что я здесь делаю в такую рань?

Подойдя к двери, я остановилась, чтобы выслушать ответ.

– Ты там спала.

Я посмотрела на коврик возле ванной. Хорошее местечко, ничего не скажешь.

– А почему я здесь спала? – пыталась я добиться истины.

– Открой дверь, и я все расскажу, – нетерпеливо попросил Натан.

Я посмотрелась в зеркало и пришла в ужас от своего шикарного вида: волосы всклокочены, глаза красные, тушь размазана, пижама мятая, а на щеке полосы от коврика.

Красота – страшная сила!

– Хорошо. Только закрой глаза, – шепотом проговорила я через закрытую дверь.

– Ты издеваешься? – прошептал он в ответ.

– Нет. Закрой. Я быстренько пробегу в комнату, а ты войдешь в ванну, – настаивала я.

– О'кей. А почему шепотом?

– Я вдруг подумала, что мы можем разбудить Клер и Ричарда.

– Наверняка уже, – выдохнул он. – Все, выходи.

Я осторожно повернула защелку на дверной ручке и выглянула в коридор: Джонатан стоял возле двери в одних джинсах, так что взгляд сразу же наткнулся на его обнаженный торс. Черт! Я опять захлопнула дверь и попыталась собраться с мыслями.

Выходить решила с закрытыми глазами, чтобы окончательно не сойти с ума. Но маневр не удался, я оступилась и толкнула Коула в грудь. Мы отпрянули друг от друга и от-

крыли глаза.

– Ты почему открыл глаза? – спросила я.

– А ты почему? – выпалил он и, смутившись, провел рукой по волосам.

– Я первая спросила, – нашлась я.

Натан засуетился, не зная, что ответить, наверное, брякнул, что первое пришло в голову:

– Ты потрогала меня за грудь.

Мои брови медленно поднялись от удивления:

– Это был непроизвольный жест! – почти шепотом кричала я. – Я схватилась за нее, когда падала.

Коул усмехнулся, но тут же нахмурился:

– Прости, я и правда опаздываю.

Я пропустила его в туалетную комнату, а сама стояла и смотрела, как исчезает его спина за дверью. Думала о том, как он на меня смотрел, и о том, что я полная дура, раз не набрасываюсь на него, пока есть шанс. Хотя кто знает, может, если бы набросилась, стала бы королевой дур.

Оказавшись в комнате, я стянула на пол покрывало и, зарывшись носом в подушку, уснула. На этот раз без снов. Проснулась я сама, когда солнце уже почти закатилось за горизонт, а часы на тумбочке показывали три после полудня. Здесь же на тумбочке меня ждали стакан воды и таблетка. Выпив воду и приняв душ, я спустилась, чтобы хоть как-то дать понять, что я жива.

Клер, как истинная англичанка, ничего не стала спраши-

вать про прошлую ночь, наше возвращение, вообще она сделала вид, что ничего не было. Я уже и сама подумала, может, мне приснилось, что Том пригласил меня с ними в паб, где Джонатан станцевал нам у шеста, а я притащила к нам выпить другую блондинку. Но это было правдой, я и так это знала, потому что похмелье не могло прийти просто так само.

Еще мама Натана попыталась меня накормить, но все, что я смогла осилить, — это стакан молока и рогалик. Это ее удовлетворило, и она отправилась по делам, объяснив, что ужин в холодильнике, Ричард на работе, а Лиззи давно ждет моего звонка.

Сестра Коула звонила несколько раз в течение прошлого вечера и сегодня. Собравшись с духом, я набрала номер и рассказала все, что помнила о вечеринке в клубе. Она долго отчитывала меня за блондинку, и я клятвенно пообещала, что постараюсь больше не хулиганить. Мало ли на какую блондинку можно попасть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.